

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ГАФОРОВ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 25404/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 октября 2010

ВСТУПИЛО В СИЛУ

11/04/2011

Настоящее постановление стало окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции. Оно может быть предметом редакторских правок.

По делу Гафоров против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, *Президент,*

Нина Важич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николау, *судьи,*

и Андре Вампах, *заместитель секретаря Секции,*

Проведя закрытое заседание 30 сентября 2010 года,

Вынес следующее постановление, которое было принято в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело начато в связи с жалобой (№ 25404/09) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Таджикистана, г-ном Абдуразоком Абдурахмоновичем Гафоровым («заявитель»), 15 мая 2009 года.

2. Заявитель был представлен г-жой Е. Рябиной и г-ном А. Гайтаевым, юристами, практикующими в Москве. Российское Правительство («Правительство») было представлено г-ном Г. Матюшкиным, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. 15 мая 2009 года Президент Первой Секции решил применить Правило 39 Регламента Суда, указав Правительству, что заявитель не должен быть экстрадирован в Таджикистан до дальнейшего указания, и дал приоритет делу в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда.

4. 11 сентября 2009 Президент Первой Секции решил уведомить Правительство о жалобе. Также было решено рассматривать дело по существу одновременно с рассмотрением вопроса о приемлемости (Статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1973 году и проживал до ареста в городе Худжанд, Таджикистан. В настоящий момент он проживает в Москве.

A. Уголовное разбирательство в отношении заявителя в Таджикистане

6. В 2005 году заявитель потерял работу на междугородной телефонной станции в Худжанде и начал зарабатывать на жизнь распечаткой различных текстов для людей на своем компьютере, включая положения и выдержки из Корана.

7. В 2005 году в Худжанде были арестованы несколько человек по подозрению в участии в «Хизб ут-Тахрир» («ХТ»), международной исламской организации, запрещенной в России, Германии и некоторых республиках Центральной Азии. Впоследствии заявитель узнал, что некоторые из арестованных дали показания следственным органам о том, что он был членом ХТ и распечатывал различные материалы для нее из Интернета. Заявитель отрицает свое участие в ХТ.

8. 16 февраля 2006 года прокуратура Согдийской области Таджикистана («Согдийская прокуратура») возбудила уголовное дело в отношении заявителя по подозрению в участии в экстремистской организации (Статья 307 § 2 Уголовного кодекса Республики Таджикистан («УК РТ»)). В частности, заявитель подозревался в активном сотрудничестве с ХТ путем распечатывания листовок и религиозной литературы для этой организации с целью их распространения. Делу был присвоен номер 9615.

9. 19 февраля 2006 года Согдийская прокуратура вынесла решение о заключении заявителя под стражу. Вскоре после этого заявитель был арестован и помещен в подвал Министерства национальной безопасности (МНБ). По словам заявителя, его держали там около трех месяцев. Его постоянно избивали и пытали, по крайней мере, шесть раз электрическим током. Его держали в помещении без спальных мест, не пускали в туалет длительные периоды времени и не давали пищи.

10. 6 мая 2006 года прокуратура Бободжон-Гафуровского района («Бободжон-Гафуровская прокуратура») возбудила еще одно уголовное дело в отношении заявителя в связи с его предполагаемой деятельностью в ХТ. В частности, заявитель подозревался: в тайном изучении экстремистской литературы, предоставленной ему другими членами ХТ; в работе на организацию в качестве IT-специалиста; в распечатывании листовок организации и иной литературы и тайном их

распространении среди лиц, не участвующих в организации; в оплате членских взносов в организацию и обучении другого члена ХТ работе на персональном компьютере. В тот же день заявителю были предъявлены обвинения в участии в преступной организации, запрещенной в связи с ее экстремистской деятельностью (Статьи 187 § 2 и 307.2-3), возбуждении религиозной и иной ненависти (Статья 189 § 3) и публичных призывах к свержению конституционного порядка, а также в участии в экстремистской деятельности (Статьи 307 и 307.1). Уголовное дело было объединено с делом № 9615, и ему был присвоен номер 9431.

11. По словам заявителя, в мае 2006 года его и других заключенных отвезли на строительство зоны отдыха для офицеров МНБ, где им было приказано копать, работая в полусогнутом положении. Когда они пытались выпрямиться, охранники жестоко били их.

12. 24 мая 2006 года, опасаясь дальнейших избиений, заявитель сбежал.

13. По словам заявителя, его родственники рассказали, что после его побега сотрудники правоохранительных органов пытались заключенных, которые содержались под стражей вместе с ним, чтобы выяснить, куда он уехал и помогали ли они ему осуществить побег.

14. 25 мая 2006 года Бободжон-Гафуровская прокуратура возбудила уголовное дело в отношении заявителя за побег из-под стражи. В решении указывалось, что 24 мая 2006 года, «находясь под стражей на дачном участке, принадлежащем МНБ», заявитель сбежал в неизвестном направлении.

15. В неустановленный день уголовное дело в отношении заявителя в связи с его предполагаемой деятельностью в ХТ было передано на рассмотрение в Бободжон-Гафуровский районный суд Согдийской области.

16. Решением от 6 июня 2006 года Бободжон-Гафуровский районный суд объявил заявителя в розыск и приостановил рассмотрение уголовного дела в отношении него до ареста.

17. 9 июня 2006 года Бободжон-Гафуровская прокуратура предъявила заявителю обвинения в побеге из-под стражи.

В. Приезд заявителя в Россию

18. Судя по всему, заявитель скрывался в Таджикистане до декабря 2006 года, когда он переехал в Кыргызстан. В неустановленный день в мае 2007 года заявитель приехал в Россию.

С. Экстрадиционные процедуры

19. 5 августа 2008 года заявитель был задержан в Москве как лицо, разыскиваемое таджикскими властями.

20. 6 августа 2008 года заместитель Нагатинского прокурора опросил заявителя об обстоятельствах его прибытия в Россию. В соответствии с письменными объяснениями заявителя от той же даты в 2006 году таджикские власти возбудили уголовное дело в отношении заявителя по подозрению в участии в экстремистской организации. В течение примерно трех месяцев в 2006 году он содержался под стражей. В этот период его ежедневно возили на работу на стройку, откуда он сбежал. В 2007 году заявитель приехал в Россию, чтобы избежать уголовного преследования и заработать на жизнь. Он не обращался за российским гражданством, статусом беженца или политическим убежищем. Под записью была подпись заявителя. По утверждению заявителя, объяснение было составлено российскими властями на основании материалов уголовного дела, предоставленных таджикскими правоохранительными органами.

21. 11 сентября 2008 года Генеральная прокуратура Республики Таджикистан («ГП РТ») направила в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запрос об экстрадиции заявителя в Таджикистан в связи с предъявленными ему обвинениями в участии в ХТ. В письме указывалось, что заявитель будет привлечен к уголовной ответственности только за те преступления, за совершение которых он будет выдан, и он не будет выдан третьему государству без согласия российской стороны.

22. 5 декабря 2008 года ГП РТ направила российской стороне дополнительный запрос о выдаче заявителя для уголовного преследования по обвинениям в побеге из-под стражи.

23. Письмом от 19 декабря 2008 года адвокат заявителя сообщил в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, что заявитель намеревался обжаловать в суд отказ в предоставлении ему статуса беженца (см. ниже), и просил принять этот факт во внимание во время рассмотрения вопроса об экстрадиции.

1. Решение об экстрадиции заявителя

24. 30 декабря 2008 года заместитель Генерального прокурора Российской Федерации вынес решение об экстрадиции заявителя в Таджикистан. Решение в соответствующих частях гласило:

«Гафоров обвиняется в том, что в период с 2002 по 2006 годы активно участвовал в преступном сообществе «Хизб ут-Тахрир», созданном с целью насильственного захвата государственной власти, изменения конституционного строя, и в отношении которого на территории Республики Таджикистан судом принято решение о запрете деятельности...

...

Действия [заявителя] являются наказуемыми по российскому уголовному законодательству и соответствуют ст. 210 (участие в преступном сообществе, преступной организации), ст. 278 (действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя), ч. 2 ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации), п. «в» ч. 2 ст. 282 (возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства, совершенные с использованием средств массовой информации организованной группой), ч. 2 ст. 282-1 (участие в экстремистском сообществе), ч. 2 ст. 282-2 (участие в деятельности организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности), ч. 1 ст. 205-1 (финансирование терроризма) УК РФ, санкции которых предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан не истекли.

...

[Заявитель] обвиняется в том, что 24 мая 2006 года ... совершил побег из-под стражи.

Действия [заявителя] являются наказуемыми по российскому уголовному законодательству и соответствуют ч. 1 ст. 313 УК РФ (побег из-под стражи, совершенный лицом, находящимся в предварительном заключении), санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан не истекли».

25. Наконец, в решении указывалось, что, по сведениям Федеральной миграционной службы («ФМС»), заявитель не получал российского гражданства, и был сделан вывод, что иных оснований, препятствующих его экстрадиции в Таджикистан, нет.

26. 21 января 2009 года заявитель обжаловал решение от 30 декабря 2008 года, утверждая, что в случае экстрадиции он подвергнется пыткам в нарушение Статьи 3 Конвенции. Он указывал, в частности, что детально описывал обращение, которому подвергся в заключении в Таджикистане, и что российская Генеральная прокуратура проигнорировала эти аргументы и соответствующие материалы из международных НПО, показывающие, что таджикские правоохранительные органы систематически пытаются заключенных. Заявитель также доказывал, что таджикские власти не способны предоставить эффективные гарантии от риска жестокого обращения и несправедливого уголовного разбирательства. Наконец, он утверждал, что решение о его экстрадиции было вынесено несмотря на тот факт, что его ходатайство о предоставлении убежища еще рассматривалось.

27. В письме от 10 февраля 2009 года ГП РТ гарантировала своим российским контрагентам, что в случае экстрадиции заявитель не будет преследоваться по политическим, этническим, языковым, расовым или религиозным основаниям, и что он не будет подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. В письме также отмечалось, что 11 марта 2008 года Верховный Суд Республики Таджикистан признал ХТ террористической организацией и запретил ее деятельность на территории Таджикистана.

2. Слушание дела в Московском городском суде

28. На слушании 16 февраля 2009 года Московский городской суд («городской суд») рассматривал жалобу заявителя на решение о его экстрадиции в Таджикистан.

29. Как следует из протокола судебного заседания, заявитель доказывал суду, что после ареста в 2006 году в Таджикистане его жестоко избивали и шесть раз пытали электричеством, чтобы получить признательные показания о его участии в ХТ. Его держали в подвале МНБ около трех месяцев. Во время заключения там его постоянно избивали и оскорбляли, в туалет пускали только два раза в день. Во время заключения его возили на строительство зоны отдыха МНБ. Там он и другие заключенные работали на закладывании фундамента для спортивного центра; их также заставляли косить траву. Заявителя и других заключенных постоянно избивали. Не выдержав побоев и нехватки пищи, заявитель сбежал. Заявитель далее подчеркивал, что он опасается возвращаться в Таджикистан, потому что после его побега несколько сотрудников МНБ угрожали его семье. Они якобы сказали его семье, что если заявителя поймают, они не оставят его в живых. Сотрудник МНБ, который избивал заявителя и был на дежурстве в день его побега, предположительно сказал сестре заявителя, что если он сядет в тюрьму из-за заявителя, то убьет всю его семью, когда освободится.

30. На слушании адвокат заявителя утверждал также, что содержание его подзащитного под стражей было незаконным, поскольку власти не продлили его должным образом в нарушение Уголовно-процессуального кодекса («УПК») и определений Конституционного Суда.

31. Выслушав заявителя и его адвоката и удовлетворив их ходатайство о приобщении к делу отчетов различных НПО и международных организаций по ситуации в Таджикистане в отношении пыток, городской суд отложил рассмотрение жалобы до вынесения решения по статусу беженца.

32. Факсом от 25 февраля 2009 года городской суд сообщил Министерству иностранных дел Российской Федерации («МИД») о

деле заявителя и его утверждениях о риске пыток в случае его экстрадиции в Таджикистан. Городской суд просил МИД представить их позицию и оказать помощь суду в получении информации из Министерства иностранных дел Республики Таджикистан по вопросам, поднятым заявителем.

33. Письмом от того же дня городской суд запросил Министерство иностранных дел Республики Таджикистан представить их позицию и любую соответствующую информацию по поводу доводов заявителя относительно риска пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в случае его экстрадиции в Таджикистан и проверить эти утверждения с помощью соответствующих органов государственной власти.

34. 13 марта 2009 года МИД ответил городскому суду, что Таджикистан является стороной почти всех международных договоров по защите прав человека и таким образом подтвердил свое намерение построить демократическое и светское государство, основанное на уважении верховенства права. Был создан пост уполномоченного по правам человека. МИД не имел информации, показывающей, что «гражданские права заявителя будут нарушены в случае его экстрадиции». По-видимому, Министерство иностранных дел Республики Таджикистан не ответило на запрос городского суда.

3. Решение городского суда от 20 апреля 2009 года

35. 20 апреля 2009 года городской суд рассмотрел жалобу заявителя на решение от 30 декабря 2008 года. Заявитель и его адвокат присутствовали на слушании.

36. Из протокола заседания следует, что заявитель повторил перед судом свои доводы относительно его предположительных пыток во время заключения в Таджикистане. Он утверждал, что факт его прошлых пыток и угрозы членам его семьи доказывают, что ему грозит подвергнуться такому обращению вновь в случае, если решение об экстрадиции будет оставлено в силе. Адвокат заявителя просил суд освободить заявителя, подчеркивая, что он находился в заключении в течение длительного времени и его содержание под стражей не продлевалось, несмотря на ясные предписания Конституционного Суда в этом отношении.

37. Городской суд оставил жалобу заявителя без удовлетворения. Решение в соответствующих частях гласит:

«Гафоров А.А. обвиняется в том, что в период с августа 2002 года по февраль 2006 года в Согдийской области Республики Таджикистан активно участвовал в преступном сообществе (преступной организации) – «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», созданном с целью насильственного захвата государственной власти, изменения конституционного строя, и в отношении которого на территории Республики Таджикистан судом принято решение о запрете деятельности в

связи с осуществлением экстремистской деятельности, а также направлял денежные средства на обеспечение существования и функционирования данного сообщества. В составе организованной группы лиц, с использованием средств массовой информации [заявитель] в указанный период занимался распространением материалов, содержащих публичные призывы к насильственному изменению существующего государственного строя и неконституционному нарушению единства территории Республики Таджикистан, захвату власти. Для вовлечения в состав экстремистской организации занимался вербовкой граждан с целью посягательства на конституционный строй Республики Таджикистан; осуществлял публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; распространял листовки и другую литературу, по содержанию направленную на возбуждение национальной, расовой, ... религиозной вражды и розни, унижение национального достоинства, пропаганду исключительности граждан по признаку их отношения к религии, ... построение Исламского государства на территории Республики Таджикистан и создание государства «Халифат».

Действия [заявителя] являются наказуемыми по российскому уголовному законодательству и соответствуют ч. 2 ст. 210 (участие в преступном сообществе (преступной организации)); ст. 278 (действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя); ч. 2 ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации); п. «в» ч. 2 ст. 282 (возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства, совершенные с использованием средств массовой информации организованной группой); ч. 2 ст. 282-1 (участие в экстремистском сообществе); ч. 2 ст. 282-2 (участие в деятельности организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности); ч. 1 ст. 205 (финансирование терроризма) УК РФ, санкции которых предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан не истекли.

...

Кроме того, ... [заявитель] обвиняется в том, что 24 мая 2006 ... совершил побег из-под стражи ...

Указанные действия [заявителя] являются наказуемыми по российскому уголовному законодательству и соответствуют ч. 1 ст. 313 УК РФ (побег из-под стражи, совершенный лицом, находящимся в предварительном заключении), санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан не истекли ...

Постановление Генерального прокурора Российской Федерации от 30 декабря 2008 года является законным и обоснованным.

Сведениями, представленными суду из ФМС России и УФМС России по г. Москве, подтверждено, что [заявитель] приобрел гражданство Российской

Федерации не значится и по вопросу приобретения российского гражданства в установленном законом порядке не обращался.

В судебном заседании [заявитель] пояснил, что по вопросу приобретения российского гражданства он не обращался; на территории Российской Федерации задержан в связи с межгосударственным розыском ...; за получением статуса беженца до задержания не обращался, понимая, что он не может быть признан беженцем, поскольку находился в международном розыске; беженцем он не является, по политическим или каким-либо мотивам, не относящимся к чисто уголовному преследованию, не преследовался на территории Республики Таджикистан и не преследуется в настоящее время; место жительства он покинул добровольно, убежав из-под стражи, что в свою очередь подтверждает, что [заявитель] на территории Российской Федерации умышленно скрывался от правоохранительных органов Республики Таджикистан.

Таким образом, предусмотренных международными договорами и законодательством Российской Федерации препятствий к выдаче [заявителя] ... не имеется.

...

Доводы [заявителя], поддержанные его адвокатом ... со ссылкой на заключение специалиста Рябининой Е.З. от 13 марта 2009 года, и документы, свидетельствующие, по их мнению, о том, что он не может подлежать выдаче правоохранительным органам Республики Таджикистан в связи с тем, что он может стать жертвой преследований в Таджикистане, судом рассмотрены и удовлетворению не подлежат, поскольку сам [заявитель], обратившись в УФМС России по г. Москве после задержания его как лица, находившегося в розыске, пояснил, что он опасается в случае экстрадиции в Республику Таджикистан быть осужденным на длительный срок лишения свободы.

В связи с чем суд и считает, что отсутствуют обоснованные опасения стать жертвой преследований в Таджикистане по признакам, указанным в п.п. 1 п. 1 ст. 1 Федерального закона «О беженцах» и, следовательно, он не отвечает критериям, определяющим понятие «беженец», поскольку таковым признается «лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться такой защитой вследствие таких опасений».

Кроме того, запрашивающая сторона предоставила гарантию об осуществлении преследования [заявителя] только за уголовные преступления, в которых он обвиняется. Более того, Республика Таджикистан присоединилась практически ко всем основным международным правовым актам в сфере прав человека, подтвердив тем самым свое намерение продвигаться по пути построения правового, демократического и светского государства. В стране учрежден пост уполномоченного по правам человека.

Вопрос же о виновности [заявителя] в преступлениях, за совершение которых поступил запрос о выдаче, может решить только суд запрашивающей стороны

при рассмотрении дела в отношении него по существу, а потому доводы [заявителя] и его защитника о необоснованности обвинения по якобы сфальсифицированному в отношении него уголовному делу и невиновности в преступлениях, которых он не совершал, рассмотрению в данном судебном заседании не подлежат».

38. В решении городского суда ничего не говорилось по поводу содержания заявителя под стражей.

39. 21 апреля 2009 года заявитель подал кассационную жалобу в Верховный Суд Российской Федерации («Верховный Суд»), утверждая, что городской суд не принял во внимание его аргументов, подтвержденных материалами из различных НПО, о том, что он подвергнется пыткам в случае экстрадиции. Он также утверждал, что городской суд проигнорировал, что во время рассмотрения дела процедуры по обжалованию отказа ФМС в предоставлении статуса беженца еще не завершились.

40. 8 июня 2009 года заявитель подал дополнительную кассационную жалобу в Верховный Суд, утверждая, что городской суд не оценил мнение г-жи Рябиной и материалы различных НПО, свидетельствующие о существовании систематической проблемы пыток в Таджикистане, и свел свою оценку к письму МИДа, указывающему лишь, что МИД «не располагает данными о том, что в случае выдачи [заявителя] его гражданские права будут нарушены». Он подчеркнул, что городской суд подменил риск пыток риском уголовного преследования, хотя позиция заявителя в этом отношении была недвусмысленной: он опасался экстрадиции в Таджикистан, поскольку уже подвергался там пытка и бежал в Россию по этой причине. Заключение городского суда о том, что он добровольно покинул Таджикистан, противоречило тому факту, что заявитель сбежал из-под стражи. Наконец, городской суд превысил свою юрисдикцию, установив, что заявитель не подпадал под критерии для предоставления статуса беженца, поскольку этот вопрос должны были решить гражданские суды.

4. Решение Верховного Суда от 8 июня 2009 года

41. 8 июня 2009 года Верховный Суд Российской Федерации («Верховный Суд») рассмотрел жалобу заявителя на решение городского суда. Адвокат заявителя присутствовал на слушании, но заявителя не было. На слушании адвокат заявителя подал в Верховный Суд письменное ходатайство о его освобождении. Он утверждал, что его содержание под стражей без судебного решения превысило двухмесячный срок, установленный Статьей 109 УПК РФ. В этой связи он сослался на Статью 466 УПК РФ, определения Конституционного Суда №№ 101-0 и 333-О-П (см. ниже) и тот факт, что последнее решение суда о заключении его под стражу было

принято 16 сентября 2008 года. Он также жаловался, что Бабушкинский районный суд и Московский городской суд отказали в рассмотрении его жалоб на это содержание под стражей.

42. В тот же день Верховный Суд отказал в удовлетворении жалобы, дословно воспроизводя текст решения от 20 апреля 2009 года. Решение Верховного Суда ничего не говорило по вопросу содержания заявителя под стражей.

D. Процедуры по получению убежища

43. 23 октября 2008 года заявитель подал ходатайство о предоставлении статуса беженца в Московское управление Федеральной миграционной службы («УФМС по Москве»), указав, что он не может вернуться в Таджикистан, где подвергался жестокому обращению. В частности, он утверждал, что в феврале 2006 года он был арестован сотрудниками правоохранительных органов, которые пытали его электрическим током и жестоко избивали. Через два дня он был переведен в МНБ, где его держали в сыром подвале вместе с восемью другими людьми. Его не кормили и разрешали ходить в туалет только два раза в день. Заявителя и других заключенных постоянно избивали, заставляя дать признательные показания об их участии в ХТ, что они в итоге и вынуждены были сделать из-за избиений. Сотрудники МНБ заставляли заявителя и других заключенных работать на их стройке и избивали их, если они работали плохо. В мае 2006 года, находясь на стройке, он сбежал, поскольку больше не мог выносить насилия.

44. В интервью сотруднику УФМС по Москве 28 ноября 2008 года заявитель повторил и подтвердил свои предыдущие утверждения.

45. 15 декабря 2008 года УФМС по Москве отказало в предоставлении заявителю убежища, указывая, что причиной его ходатайства были опасения быть приговоренным к длительному сроку лишения свободы в случае экстрадиции. Далее оно отмечало, что при опросе сотрудниками ФМС заявитель утверждал, что был незаконно арестован таджикскими правоохранительными органами и сбежал из-под стражи, потому что с ним жестоко обращались. ФМС заключило, что основания, на которые ссылался заявитель, не составляли обоснованных опасений преследований в стране его происхождения.

46. 13 января 2009 года заявитель обжаловал в Замоскворецкий районный суд Москвы («Замоскворецкий районный суд») решение от 15 декабря 2008 года, указывая, что таджикские власти преследовали его по религиозным мотивам в связи с его предполагаемым участием в ХТ, запрещенной религиозной организации. Ссылаясь на Статью 3 Конвенции, он подчеркивал, что миграционные органы проигнорировали его последовательные и убедительные доводы в

отношении жестокого обращения, которому он подвергся. Зная, что Гражданский процессуальный кодекс не предусматривает доставки заключенных на судебные слушания по гражданским делам, заявитель не требовал обеспечить его присутствия в Замоскворецком районном суде.

47. 7 апреля 2009 года Замоскворецкий районный суд рассмотрел жалобу заявителя в присутствии адвоката заявителя и отказал в ее удовлетворении. Заявителя не привозили на слушания. Суд установил, что при рассмотрении ходатайства заявителя УФС по Москве получило от Генеральной прокуратуры РФ и их таджикских контрагентов материалы относительно его уголовного преследования в Таджикистане. Данные государственные органы не подтвердили, что таджикские власти преследовали граждан Таджикистана за их религиозные убеждения, пытали их и угрожали им бесчеловечным обращением в связи с уголовным преследованием в отношении них. Хотя заявитель прибыл в Россию в мае 2007 года, он ходатайствовал о предоставлении убежища только после задержания с целью экстрадиции. В целом заявитель не привел убедительных доводов, показывающих, что у него были обоснованные опасения подвергнуться преследованию в Таджикистане по политическим, расовым, религиозным, национальным или этническим мотивам или в связи с принадлежностью к определенной социальной группе, и он ходатайствовал в миграционный орган только из-за уголовного преследования.

48. 20 апреля 2009 года заявитель обжаловал решение от 7 апреля 2009 года, утверждая, что Замоскворецкий районный суд проигнорировал его детальные и последовательные доводы относительно жестокого обращения, которому он подвергся в заключении в Таджикистане, и преследования по религиозным мотивам. Он также утверждал, что районный суд оставил без внимания ряд отчетов органов ООН и НПО, подтверждающих широко распространенную практику жестокого обращения правоохранительных органов с заключенными в Таджикистане.

49. 25 июня 2009 года Московский городской суд отменил решение от 7 апреля 2009 года и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

50. 10 сентября 2009 года Замоскворецкий районный суд оставил в силе отказ миграционной службы в предоставлении заявителю убежища, повторив почти дословно обоснование своего решения от 7 апреля 2009 года. Суд также отметил, что поскольку заявитель опасался лишь уголовного преследования и, таким образом, не соответствовал требованиям для получения убежища, суд не станет придавать какого-либо веса его доводам относительно риска жестокого

обращения в Таджикистане в случае экстрадиции и общей ситуации с правами человека в этой стране.

51. Заявитель обжаловал данное решение. Ссылаясь на отчеты различных НПО, он подчеркнул, что проблема жестокого обращения с заключенными продолжает существовать в Таджикистане и что он опасается экстрадиции не только из-за общей ситуации в стране, но также из-за его собственного опыта жестокого обращения от рук сотрудников государственных органов Таджикистана, которые преследовали его по религиозным основаниям. Однако районный суд отказался принять эту информацию во внимание и ограничил свою оценку информацией, предоставленной российскими государственными органами.

52. 26 января 2010 сотрудники Управления Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев («УВКБ ООН») проинтервьюировали заявителя в следственном изоляторе в связи с его ходатайством о международной защите.

53. 28 января 2010 года городской суд в присутствии адвоката заявителя оставил в силе решение от 10 сентября 2009 года. Решение городского суда в соответствующих частях гласило:

«28 ноября 2008 года Гафоров А.А., гражданин Республики Таджикистан, содержащийся в ИЗ-77/4 УФСИН по Москве, обратился с ходатайством о предоставлении ему статуса беженца на территории РФ.

В анкете, опросном листе заявителем указано, что в Республике Таджикистан существует реальная угроза преследования, поскольку его незаконно преследовали сотрудники правоохранительных органов, которые задержали его в 2006 году в Худжанде и обвинили в принадлежности к партии «Хизб ут-Тахрир». Кроме того, [заявитель] указал, что опасался незаконного осуждения, а также во время содержания под стражей подвергался насилию [в Таджикистане].

При вынесении решения УФМС России по Москве были рассмотрены сведения из Генеральной прокуратуры РФ и о том, что [заявитель] преследовался прокуратурой Республики Таджикистан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями УК Республики Таджикистан.

В постановлении прокуратуры Бободжон-Гафуровского района от 6 мая 2006 года о привлечении в качестве обвиняемого [за участие в ХТ] не просматривается каких-либо религиозных мотивов.

Из оспариваемого заявителем решения [УФМС по Москве] усматривается, что при принятии решения учитывались представленные сведения Генеральной прокуратуры [РФ], сведения Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан.

Разрешая заявленные требования [заявителя], [районный] суд правильно указал, что при проведении опроса заявитель не привел гуманные причины, по

которым ему должно быть предоставлено временное убежище на территории Российской Федерации, в том числе конкретные факты того, что он лично подвергался преследованиям со стороны властей Республики Таджикистан, в случае возвращения на родину существует реальная угроза его безопасности со стороны властей [Таджикистана], свое желание получить временное убежище не обосновывал своим состоянием здоровья и нуждаемостью в медицинской помощи. Также заявителем не представлено доказательств того, что имеются препятствия для его возвращения в страну гражданской принадлежности».

54. 8 февраля 2010 года заявитель подал ходатайство в УФМС по Москве о предоставлении временного убежища. Исход данного рассмотрения неизвестен.

55. 10 марта 2010 года УВКБ ООН сообщило адвокату заявителя, что ходатайство ее клиента о международной защите было рассмотрено. Рассмотрение установило, что заявитель находился «вне пределов страны его происхождения в связи с обоснованным опасением преследования властями его страны за приписываемые ему политические убеждения», что он «не мог вернуться в Республику Таджикистан» и, таким образом, «имеет право на международную защиту в соответствии с мандатом УВКБ ООН».

Е. Разбирательства относительно содержания заявителя под стражей

1. Первое решение о заключении под стражу

56. 7 августа 2008 года Нагатинский районный суд Москвы вынес решение о заключении заявителя под стражу до экстрадиции, ссылаясь на Статьи 97, 99, 101 и 108 УПК РФ и Статью 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам («Минская Конвенция» – см. соответствующее национальное законодательство ниже). Суд указал, в частности, что заявителю были предъявлены обвинения в соответствии с Уголовным кодексом Республики Таджикистан в совершении преступлений, наказание за совершение которых предусмотрено в виде лишения свободы, что он сбежал из-под стражи, не имел постоянного места жительства или регистрации в России и мог впоследствии вновь скрыться, чтобы избежать уголовного преследования. Далее он указывал, что необходимость поместить заявителя под стражу была также оправдана его последующей экстрадицией в Таджикистан, и что связанные с этим процедуры были начаты в связи с ходатайством таджикских властей по Статье 61 Минской Конвенции. Решение не определяло срок содержания заявителя под стражей, и в нем указывалось, что оно может быть обжаловано в Московский городской суд в течение трех дней со дня

его вынесения. Сведений о том, что заявитель обжаловал данное решение, нет.

2. Второе решение о заключении под стражу

57. 16 сентября 2008 года Симоновский районный суд Москвы вынес решение о заключении заявителя под стражу до экстрадиции, ссылаясь на Статью 466 § 1 УПК РФ и Статью 60 Минской Конвенции. Суд указал, что Генеральная прокуратура РФ проверяла документы в отношении экстрадиции заявителя и что оснований, препятствующих ей, не было установлено. 7 августа 2008 года Нагатинский районный суд вынес решение о заключении заявителя под стражу до получения формального запроса на его экстрадицию в соответствии со Статьей 61 Минской Конвенции. К моменту рассмотрения дела Симоновским районным судом данный запрос был получен. Заявителя обвиняли в побеге из-под стражи, что в соответствии с Уголовным кодексом Республики Таджикистан наказывается лишением свободы более чем на два года. Кроме того, заявитель скрывался, не имел постоянного места жительства или постоянной работы в России и находился в международном розыске. Следовательно, ходатайства заявителя о применении меры пресечения, не связанной с лишением свободы, были необоснованными, и он должен был быть заключен под стражу. Решение не определяло срока содержания заявителя под стражей, в нем было указано, что оно может быть обжаловано в Московский городской суд в течение трех дней с момента его вынесения. Сведений о том, что заявитель обжаловал данное решение, нет.

3. Жалобы заявителя о содержании под стражей

58. 21 января 2009 года заявитель подал жалобу в Бабушкинский районный суд Москвы о том, что его содержание под стражей без судебного решения превысило двухмесячный срок, установленный в Статье 109 УПК РФ. Он сослался на Статью 466 УПК РФ, определения Конституционного Суда 101-О и 333-О-П (см. раздел Соответствующее внутреннее законодательство ниже) и на тот факт, что последнее судебное решение о заключении его под стражу было принято 16 сентября 2008 год. Он требовал своего немедленного освобождения.

59. 27 января 2009 года Бабушкинский районный суд оставил жалобу заявителя без движения, установив, что им не были соблюдены формальные требования для подачи гражданского иска, установленные в Гражданском процессуальном кодексе. Заявителю было предложено исправить недостатки и сообщено о его праве обжаловать данное решение.

60. 14 сентября 2009 года заявитель обжаловал свое содержание под стражей в Нагатинский районный суд. В частности, он утверждал, что последнее решение, санкционировавшее его заключение под стражу, было датировано 16 сентября 2008 года, и ни это решение, ни предыдущее от 7 августа 2008 года не устанавливали срока его содержания под стражей. В любом случае, с 16 сентября 2008 года Нагатинская прокуратура не ходатайствовала в суды о продлении срока его содержания под стражей в соответствии со Статьей 109, и оно перестало быть законным после истечения двух изначально установленных двухмесячных сроков; иначе говоря, из тринадцати месяцев, которые заявитель провел заключении, девять месяцев содержания под стражей были незаконными. Более того, Бабушкинский районный суд отказал в рассмотрении жалобы заявителя на содержание под стражей, и городской суд также проигнорировал его требование об освобождении, заявленное на судебном слушании 20 апреля 2009 года. Ссылаясь на Статью 5 §§ 1 и 4 Конвенции, прецеденты Суда, Статьи 109 и 110 УПК РФ и практику Конституционного Суда, заявитель настаивал, что его содержание под стражей было незаконным, что у него не было эффективного средства правовой защиты, чтобы обжаловать его, и что применимое законодательство не соответствовало необходимым стандартам качества закона. Наконец, он утверждал, что экстрадиционная проверка в отношении него была закончена 30 декабря 2008 года и после этого дня никаких действий по его экстрадиции не предпринималось.

61. 21 сентября 2009 года Нагатинский районный суд отказал в рассмотрении жалобы заявителя. Он постановил, во-первых, что заявитель не обжаловал решение от 7 августа 2008 года в течение установленных сроков. Что касается предполагаемого бездействия прокуратуры, заявитель мог обжаловать ее по Статье 125 УПК РФ в Симоновский районный суд, к территориальной юрисдикции которого относится этот вопрос.

62. 21 октября 2009 года заявитель обжаловал данное решение в Московский городской суд.

63. В тот же день заявитель подал жалобу в Симоновский районный суд, повторяя свои доводы, приведенные в жалобе от 14 сентября 2009 года.

64. Письмом от 29 октября 2009 года Симоновский районный суд вернул жалобу заявителя от 21 октября 2009 года, указав, что в Российской Федерации уголовное разбирательство проводится в соответствии с положениями УПК РФ, а заявитель не сослался ни на одно положение УПК РФ в своих доводах.

65. 8 декабря 2009 года заявитель подал жалобу в Генеральную прокуратуру на содержание под стражей, утверждая, что он

содержался под стражей в течение шестнадцати месяцев, из которых двенадцать месяцев незаконно, поскольку прокуратура не ходатайствовала о продлении срока содержания под стражей. Он также подчеркивал, что решение о его экстрадиции вступило в силу в июне 2009 года и после этого никаких действий по его экстрадиции не предпринималось.

66. 21 декабря 2009 года Московский городской суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя на решение от 21 сентября 2009 года. Он установил, в частности, что заявитель мог обжаловать свое содержание под стражей в суд по территориальной подсудности или в апелляционный суд.

67. 30 декабря 2009 года Генеральная прокуратура ответила заявителю, что его содержание под стражей было санкционировано сначала Нагатинским, а затем Симоновским районным судом в соответствии со Статьей 466 § 1 УПК РФ. В соответствии со Статьей 109 УПК РФ максимальный срок содержания под стражей лиц, обвиняемых в особо тяжких преступлениях, может составлять до восемнадцати месяцев. Генеральная прокуратура вынесла решение об экстрадиции заявителя 30 декабря 2008 года, то есть, в течение установленного срока. Последующее содержание заявителя под стражей было обусловлено его жалобами в суды на решение об экстрадиции и решением Европейского Суда по правам человека применить Правило 39 Регламента Суда. Что касается постановления Верховного Суда от 29 октября 2009 (см. ниже), оно применяется только к тем лицам, в отношении которых российские власти проводят экстрадиционную проверку, но не к тем, в отношении которых Генеральная прокуратура уже вынесла решение об экстрадиции. В случае заявителя Генеральная прокуратура вынесла решение об экстрадиции 30 декабря 2008 года, и это решение подлежит исполнению.

4. Письмо Уполномоченного по правам человека

68. 22 января 2010 года Уполномоченный по правам человека при Президенте Российской Федерации («омбудсмен») написал Генеральному прокурору Российской Федерации, указывая, в частности, что Европейский Суд по правам человека недавно установил нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении неудовлетворительного качества закона в нескольких делах о содержании под стражей для экстрадиции. Тем не менее, в нарушение применимого российского законодательства продолжилась практика содержания под стражей иностранцев, срок содержания которых не был продлен. Омбудсмен полагал, что проблема кроется в противоречивой практике внутренних властей по применению соответствующего законодательства, которая продолжилась даже

после определения Конституционного Суда № 101-О и постановления Верховного Суда № 22 (см. Соответствующее внутреннее законодательство ниже). Омбудсмен сослался на дела Юлдашева, Исакова, Хайдарова и Султанова, которые рассматривались Судом, и в которых срок содержания заявителей под стражей до экстрадиции превысил восемнадцатимесячный максимальный срок, установленный в Статье 109 УПК РФ.

69. Далее омбудсмен подчеркнул, что 5 февраля 2010 года восемнадцатимесячный максимальный срок содержания заявителя под стражей должен был истечь в данном деле, и что национальные суды дважды санкционировали его заключение под стражу без указания какого-либо срока его содержания под стражей. Он также указывал, что Правительство оправдывало содержание под стражей заявителей в вышеупомянутых делах тем, что Страсбургский Суд предписал ему в соответствии с Правилем 39 приостановить их экстрадицию. Однако, ничто в Регламенте Страсбургского Суда не указывало на обязательство государства-ответчика в нарушение российского законодательства содержать под стражей заключенных, чья экстрадиция была приостановлена. Наконец, омбудсмен попросил Генерального прокурора тщательно исследовать обстоятельства лиц, упомянутых в его письме, в частности, в отношении продления срока их содержания под стражей на неопределенный срок, а также дальнейшего совершенствования законодательства и его правильного применения для предотвращения возможных нарушений Конвенции.

5. Ответ Генеральной прокуратуры

70. Письмом от 8 февраля 2010 года заместитель Генерального прокурора Российской Федерации ответил омбудсмену. Письмо в соответствующих частях гласило:

«...»

...решения о выдаче вышеперечисленных [*в вашем письме*] лиц приняты в пределах сроков, установленных ст. 109 УПК РФ, их законность проверена российскими судами, они вступили в силу и подлежат исполнению. Однако, в случае освобождения указанных лиц из-под стражи, это приведет к неисполнению взятых Российской Федерацией международных обязательств в сфере экстрадиции.

Возможность применения норм УПК РФ при разрешении вопросов, связанных со сроком содержания под стражей лиц, в отношении которых рассматривается просьба иностранного государства об их выдаче для уголовного преследования, впервые разъяснена в Постановлении Конституционного Суда № 101-О ... В Определении ... № 158-О Конституционный Суд указал, что в Определении № 101-О Суд не решал (и не мог решать) вопрос о том, какие именно нормы уголовно-процессуального законодательства призваны определять порядок и сроки содержания под стражей лица, подлежащего выдаче иностранному

государству для осуществления уголовного преследования ... поскольку вопрос не относится к его юрисдикции ...

Верховный Суд Российской Федерации в своих ответах 9 августа 2006 года и 6 октября 2008 года на запросы Генеральной прокуратуры Российской Федерации пояснил, что для решения вопросов определения порядка и срока содержания под стражей лица, подлежащего выдаче иностранному государству для осуществления уголовного преследования, необходимо руководствоваться Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Данная проблема не была предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правоприменительная практика по этой теме не обобщалась и не изучалась.

В различных субъектах Российской Федерации до 29 октября 2009 года единая судебная практика по этой категории дел не сложилась. Ряд судей требовали обязательного продления сроков содержания под стражей, другие отказывали в таком продлении, полагая, что в этом нет необходимости.

В связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 ... Генеральной прокуратурой Российской Федерации 26.11.2009 прокурорам всех субъектов Российской Федерации направлено информационное письмо для руководства в правоприменительной практике, при этом разъяснен порядок продления сроков содержания под стражей лиц, в отношении которых решается вопрос о выдаче по запросу иностранного государства для уголовного преследования, до вступления в законную силу решения о выдаче ... Дальнейшие сроки содержания под стражей выдаваемого лица регулируются ст. 467 УПК РФ.

Длительное содержание Юлдашева М.Т., Исакова А.М., Султанова А.М. и [заявителя] Гафорова А.А. ... под стражей в настоящее время обусловлено применением Европейским Судом по правам человека правила 39 Регламента в связи с рассмотрением их жалоб [Страсбургским Судом]».

Г. Освобождение заявителя

71. 23 апреля 2010 года Бабушкинский районный прокурор вынес постановление об освобождении заявителя из-под стражи, установив, что сроки его содержания под стражей в соответствии со Статьей 109 УПК РФ истекли и что оснований для их продления нет.

72. В тот же день Бабушкинский районный суд отказал в удовлетворении ходатайства прокурора о помещении заявителя в Центр содержания иностранных граждан ГУВД по г. Москве. Суд решил, что только лица, обвиняемые в совершении административных правонарушений, могут содержаться в вышеупомянутом Центре, и что, в любом случае, максимальный срок содержания заявителя под стражей истек в соответствии со Статьями 107-109 УПК РФ.

73. Судя по всему, заявитель был освобожден вскоре после этого.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ)

74. Глава 13 УПК РФ регулирует применение мер пресечения. Меры пресечения могут быть применены к подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, когда есть вероятность, что данное лицо может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям или препятствовать расследованию (Статья 97). При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения необходимо учитывать тяжесть обвинения и различные личные обстоятельства лица (Статья 99). Заключение под стражу это мера пресечения, которая может быть применена на основании судебного решения к лицу, подозреваемому или обвиняемому в преступлении, наказание за совершение которого предусматривает лишение свободы на срок не менее двух лет, при условии, что не может быть применена менее строгая мера пресечения (Статья 108 § 1). Ходатайство о заключении под стражу должно быть подано прокурором (или следователем или дознавателем с предварительного согласия прокурора) (Статья 108 § 3). Ходатайство рассматривается судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (Статья 108 § 4). Решение суда о заключении под стражу может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение трех дней (Статья 108 § 11). Срок содержания под стражей при расследовании не может превышать двух месяцев (Статья 109 § 1), но может быть продлен до шести месяцев судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по ходатайству прокурора (или следователя или дознавателя с предварительного согласия прокурора) (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока до двенадцати месяцев может быть разрешено по ходатайству следователя с согласия прокурора Российской Федерации только в том случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях (Статья 109 § 3).

75. Глава 16 УПК РФ устанавливает процедуру, в соответствии с которой действия или решения суда или должностного лица могут быть обжалованы. Действия или бездействие сотрудника, ответственного за дознание, следователя, прокурора или суда могут быть обжалованы «участниками уголовного судопроизводства», а также «иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы» (Статья 123). Данные действия и бездействие могут быть обжалованы прокурору (Статья 124). Решения, принятые следователем или прокурором, не возбуждают уголовного

дела или прекратить его или любое иное действие или бездействие, способные причинить ущерб правам «участников уголовного судопроизводства» либо «затруднить доступ граждан к правосудию», могут быть пересмотрены в судебном порядке (Статья 125).

76. В соответствии со Статьей 466 § 1 при получении запроса о выдаче, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, Генеральный прокурор или его или ее заместитель решает вопрос об избрании меры пресечения в отношении лица, чья выдача была запрошена, «в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом». Если к запросу о выдаче прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации (Статья 466 § 2).

В. Закон о содержании под стражей

77. Закон о содержании под стражей (Закон № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года) регулирует порядок и определяет условия содержания под стражей лиц, которые в соответствии с УПК РФ задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (Статья 1). Лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, имеют право подавать жалобы в суд или иную инстанцию по вопросу о законности и обоснованности их содержания под стражей (Статья 17(7)).

С. Определения Конституционного Суда

1. Определение Конституционного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

78. Конституционный Суд проверил совместимость Статьи 466 § 1 УПК РФ с Конституцией Российской Федерации и повторил свою постоянную позицию о том, что чрезмерно длительное или произвольное содержание под стражей, не ограниченное по времени, законность которого не проверяется должным образом, противоречит Статье 22 Конституции и Статье 14 § 3 Международного Пакта о гражданских и политических правах по всем делам, включая рассмотрение требования о выдаче.

79. По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в Статье 22 и Главе 2 Конституции, равно как и правовые нормы Главы 13 УПК РФ о мерах пресечения, были полностью применимы к содержанию под стражей с целью выдачи. Следовательно, Статья 466 УПК РФ не позволяет властям применять меру пресечения в виде заключения под стражу без соблюдения порядка, предусмотренного УПК РФ, или с превышением сроков, предусмотренных кодексом.

2. Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 по ходатайству Генерального прокурора о разъяснении

80. Генеральный прокурор ходатайствовал перед Конституционным Судом об официальном разъяснении определения данного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, выяснить порядок продления срока содержания под стражей с целью выдачи.

81. Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства, поскольку в его компетенцию не входит разрешение вопроса о том, какие именно нормы уголовно-процессуального законодательства призваны определять порядок и сроки содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Этот вопрос относится к ведению судов общей юрисдикции.

3. Определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года

82. В данном определении Конституционный Суд повторил, что Статья 466 УПК РФ не предусматривает того, что содержание под стражей лица на основании запроса о выдаче не должно соответствовать порядку и срокам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

D. Решения Верховного Суда

1. Решение от 14 февраля 2003 года

83. Решением от 14 февраля 2003 года Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил ходатайство Генерального прокурора, признал террористическими ряд международных и региональных организаций, включая ХТ (также известной как «Партия Исламского освобождения») и запретил их деятельность на территории Российской Федерации. Он установил, что ХТ нацелена на устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Всемирного исламского

Халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ.

2. Постановление Пленума № 1 от 10 февраля 2009 года

84. Постановлением № 1, принятым Пленумом Верховного Суда России 10 февраля 2009 года («Постановление Пленума от 10 февраля 2009 года») Пленум издал несколько инструкций судам по применению Статьи 125 УПК РФ. Пленум повторил, что любая сторона уголовного судопроизводства или иное лицо, чьи права и свободы затронуты действиями или бездействием следственных органов или прокуратуры в ходе уголовного судопроизводства, могут ссылаться на Статью 125 УПК РФ при обжаловании отказа в возбуждении уголовного дела или решения о его прекращении. Пленум указал, что в то время как масса решений, подлежащих судебному контролю в соответствии со Статьей 125, включает решения о возбуждении уголовного дела, отказе в допуске защитника или признании лица потерпевшим, лицо не может ссылаться на Статью 125, чтобы обжаловать решение суда о применении залога или домашнего ареста или заключения лица под стражу. Далее подчеркивалось, что, признавая конкретное действие или бездействие правоохранительного органа незаконным или необоснованным, судья не может отменять оспариваемое решение или обязать ответственное должностное лицо отменить его, а может только обязать его или ее устранить допущенное нарушение. Если данный орган не исполняет указания суда, заинтересованное лицо может пожаловаться в суд на бездействие органа, и суд может вынести частное определение, привлекая внимание органа к данной ситуации. Наконец, постановление указывало, что решение прокурора о помещении лица под домашний арест или о заключении его или ее под стражу в ожидании экстрадиции может быть обжаловано в суд по Статье 125 УПК РФ.

3. Постановление Пленума № 22 от 29 октября 2009 года

85. В постановлении № 22, принятом Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 29 октября 2009 года («Постановление Пленума от 29 октября 2009 года») было указано, что в соответствии со Статьей 466 § 1 УПК РФ только суд может вынести решение о заключении под стражу лица, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка, а власти запрашивающей стороны не предоставили решение суда о заключении его или ее под стражу. Судебное санкционирование заключения под стражу в этой ситуации должно быть осуществлено в соответствии со Статьей 108 УПК РФ и по ходатайству прокурора о заключении лица под стражу. При

решении вопроса о заключении лица под стражу суд должен исследовать, существуют ли фактические и правовые основания для применения меры пресечения. Если запрос о выдаче сопровождается решением о заключении под стражу, вынесенным иностранным судом, прокурор может заключить лицо под стражу без санкции российского суда (Статья 466 § 2 УПК РФ) на период, не превышающий двух месяцев, а решение прокурора может быть обжаловано в суде в порядке Статьи 125 УПК РФ. При продлении срока содержания лица под стражей в ожидании экстрадиции суд должен применять Статью 109 УПК РФ.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Совет Европы

86. Рекомендации № R (98) 13 Комитета министров Совета Европы странам-членам по вопросу права лиц, не получивших убежища, на эффективные средства защиты от решений о выдворении в контексте Статьи 3 Европейской Конвенции прав человека гласят:

«Комитет министров...

Без пристрастности к реализации любого права лица, не получившего убежище, обжаловать отрицательное решение по отказу в убежище, как рекомендовано среди прочего в Рекомендациях Совета Европы № R (81) 16 Комитет министров

Рекомендует правительствам стран-членов при применении их собственных процессуальных положений обеспечить, чтобы законодательство или практика соответствовали следующим гарантиям:

1. Эффективное средство правовой защиты в национальном органе должно быть обеспечено любому просителю убежища, чье ходатайство о получении статуса беженца было отклонено и кому грозит выдворение в страну, в отношении которой данное лицо может представить доказуемые аргументы, что он или она подвергнутся пыткам или бесчеловечному или унижающему обращению или наказанию.

2. При применении параграфа 1 данной рекомендации средство правовой защиты в национальном органе считается эффективным, если...

2.2. данный орган имеет компетенцию как принять решение по вопросу наличия условий, установленных в Статье 3 Конвенции, так и предоставить соответствующую защиту;...

2.4. исполнение решения о выдворении приостанавливается до вынесения решения в соответствии с пунктом 2.2.»

87. Комиссар по правам человека Совета Европы издал Рекомендацию (CommDH(2001)19) 19 сентября 2001 года относительно прав иностранцев, желающих въехать в страну-член Совета Европы, и исполнения решений о выдворении, часть которой гласит:

«11. Важно, чтобы право судебной защиты по смыслу Статьи 13 ЕКПЧ было гарантировано не только законом, но и предоставлено на практике, когда лицо утверждает, что компетентные органы нарушили или могут нарушить право, гарантированное ЕКПЧ. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть гарантировано всем, кто хочет обжаловать решение о принудительном возвращении или высылке. Оно должно быть способно приостановить исполнение решения о высылке, по крайней мере, когда заявляется нарушение Статей 2 или 3 ЕКПЧ.»

88. Другие относимые документы см. в постановлении Суда по делу *Гебремедин [Габерамедин] против Франции*, № 25389/05, §§ 36-38, ECHR 2007 V.

В. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция)

89. При исполнении поручения, запрошенного в соответствии с Минской Конвенцией, участниками которой являются Россия и Таджикистан, запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны (Статья 8 § 1).

90. По получении требования о выдаче запрашиваемая страна немедленно принимает меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (Статья 60).

91. Лицо, выдача которого требуется, может быть взято под стражу до получения требования о выдаче в случае наличия ходатайства. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно (Статья 61 § 1). О взятии под стражу или задержании до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить запрашивающую страну (Статья 61 § 3).

92. Лицо, взятое под стражу согласно пункту Статье 61 § 1 Минской Конвенции, должно быть освобождено, если от запрашивающей страны не будет получено требование о выдаче со всеми приложенными к нему документами в течение сорока дней со дня взятия под стражу (Статья 62 § 1).

С. Отчеты о Таджикистане

93. «Выводы и рекомендации: Таджикистан», изданные Комитетом ООН против пыток 7 декабря 2006 года (CAT/C/TJK/CO/1), отмечали следующие проблемные области относительно ситуации с правами человека в стране:

«Определение пытки, содержащееся в национальном законодательстве ... не в полной мере соответствует определению, содержащемуся в статье 1 Конвенции, особенно в том, что касается целей применения пытки и ее распространения на всех государственных должностных лиц и других лиц, действующих в официальном качестве.

...

Существуют многочисленные утверждения о широком распространении практики пыток и жестокого обращения со стороны персонала правоприменительных и следственных органов, в частности для получения признаний для использования в ходе уголовного судопроизводства. Кроме того, не принимаются профилактические меры для обеспечения эффективной защиты всех членов общества от пыток и жестокого обращения.

...

Комитет также обеспокоен следующим:

(а) отсутствием установленного в законе обязательства регистрировать задержанных сразу же после лишения их свободы, в том числе до официального ареста и предъявления обвинения, отсутствием надлежащих протоколов, касающихся ареста и задержания лиц, и непроведением регулярных и независимых медицинских осмотров;

(b) многочисленными и постоянно поступающими сообщениями о создании препятствий в деле получения доступа к адвокату, проведения независимой медицинской экспертизы и установления контактов с родственниками сразу же после ареста, что обусловлено существованием законодательства и практики, которые допускают отсрочку вышеуказанных контактов до регистрации факта ареста, а сам доступ предоставляется только по разрешению/просьбе должностных лиц;

(c) сообщениями о том, что незаконные ограничения возможности доступа к адвокатам, врачам и членам семьи, устанавливаемые агентами государства, не расследуются и не наказываются;

(d) отсутствием основополагающих гарантий обеспечения судебного надзора над задержаниями, поскольку прокуратура также уполномочена осуществлять такой надзор;

(e) широким применением практики досудебного содержания под стражей, продолжительность которого может достигать 15 месяцев; и

(f) высоким количеством лиц, умерших в период содержания под стражей.

...

Постоянно поступают достоверные утверждения о нередком использовании сотрудниками правоприменительных и следственных органов методов допроса, запрещенных Конвенцией.

...

Имеются сообщения об отсутствии систематического обследования всех мест содержания под стражей национальными или международными надзорными органами и что регулярный и необъявленный доступ к таким местам запрещен.”

94. Доклад Amnesty International «Права человека в современном миру», выпущенный в 2007 году, в соответствующих частях гласит:

«...

Продолжали поступать сообщения о незаконных арестах, повсеместных систематических пытках и других видах жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов. Нескольких из них приговорили к лишению свободы.

...

В мае член партии Исламского возрождения (ПИВ) Садулло Маруфов скончался в отделении милиции. Сотрудники правоохранительных органов задержали его для допроса в городе Исфаре. Поначалу сотрудники милиции утверждали, что он покончил с собой, выпрыгнув из окна третьего этажа. Однако, по заявлению ПИВ, заключение о вскрытии указывало на то, что Маруфова избивали и подвергали жестокому обращению. Организация высказала предположение, что его вытолкнули из окна. Впоследствии Генеральная прокуратура заявила, что проведено расследование и задержаны трое сотрудников милиции».

95. Во «Всемирном докладе 2008: Таджикистан» от 31 января 2008 года Human Rights Watch указывали следующее:

«Ситуация с правами человека в Таджикистане по-прежнему характеризовалась проблемами с доступом к правосудию, процессуальными нарушениями, изолированным содержанием и недозванным обращением в местах содержания под стражей. Деятельность оппозиционных политических партий подвергается вмешательству со стороны правительства. Усилились гонения на представителей нетрадиционных религий и членов мусульманских групп, действующих вне рамок контролируемых государством религиозных институтов.

...

Пытки и недозванное обращение

Правозащитные организации и адвокаты продолжают получать сообщения о произвольных арестах, нарушениях порядка задержания и стандартов справедливого суда, а также заслуживающие доверия серьезные заявления о недозванном обращении и пытках в местах содержания под стражей. С

угрозами и притеснениями сталкиваются и сами адвокаты, когда проявляют настойчивость в отстаивании интересов подзащитного.

Таджикистан пока в полном объеме не выполнил рекомендации Комитета ООН против пыток от декабря 2006 г., не обеспечив необходимых изменений в законодательстве. Уголовный кодекс предусматривает для сотрудников правоохранительных органов ответственность только за «злоупотребление должностными полномочиями» (статья 314). В национальном законодательстве отсутствует норма о недопустимости использования в суде доказательств, полученных с помощью пыток.

Недозволенное обращение в местах содержания под стражей по-прежнему часто остается безнаказанным. При этом в 2007 г. имели место по меньшей мере два случая, когда по таким фактам сотрудники правоохранительных органов привлекались к уголовной ответственности. В апреле в Кулябе лейтенант Нурулло Абдуллоев получил семь лет за незаконное задержание двух человек и недозволённое обращение с ними. В том же месяце в Душанбе двое сотрудников милиции получили по два года лишения свободы за избиение и пытки током 15-летнего подростка. Во всех трех случаях применялась статья 314 УК.

...

Меры, принимаемые в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом

В 2007 г. правоохранительные органы продолжали арестовывать лиц за одно только хранение печатных материалов запрещенной исламской организации «Хизб-ут-Тахрир». По меньшей мере три человека, обвинявшихся в принадлежности к «Хизб-ут-Тахрир», были приговорены к лишению свободы на срок свыше 10 лет каждый по таким статьям, как «возбуждение национальной и религиозной вражды» и «участие в экстремистской организации». Впервые за членство в «Хизб-ут-Тахрир» был осужден несовершеннолетний: восемь лет лишения свободы получил 17-летний Муминбек Мамедов.

В январе Верховный суд признал «экстремистскими» и запретил еще 10 организаций, включая Исламское движение Туркестана. В августе немногочисленная исламистская группа «Мавлави» была запрещена в связи с проведением «несанкционированных собраний».

Продолжаются аресты граждан Узбекистана и Таджикистана, подозреваемых в причастности к Исламскому движению Узбекистана. В таких политизированных делах с террористическим контекстом обвиняемым нередко не обеспечиваются процессуальные гарантии и право на справедливый суд; как правило, в период содержания под стражей они подвергаются негуманному обращению.

...

В ходе апрельского визита в Таджикистан верховный комиссар ООН по правам человека Луиз Арбур призвала правительство обеспечить доступ к правосудию и открыть места содержания под стражей для посещений местными и международными наблюдателями, включая Международный комитет

Красного Креста. Спецдокладчик ООН по свободе религии Асма Джахангир по итогам посещения республики в феврале отметила, что религиозные общины и отдельные лица сталкиваются с «проблемами», и подчеркнула важность обеспечения правительством того, чтобы «особенно уязвимые лица» были защищены от «притеснений со стороны прикрывающихся религией негосударственных субъектов».

В марте Комитет ООН по правам человека принял решения по двум жалобам на нарушения со стороны таджикских властей. Комитет признал, что в деле *Аишурова* и в деле *Каримова и Нурсатова* пострадавшие стали жертвами пыток и несправедливого суда. Комитет настоятельно призвал власти Таджикистана обеспечить заявителям эффективные средства правовой защиты, включая компенсацию, а применительно к *Аишурову* – принять меры к его немедленному освобождению. На момент подготовки настоящего доклада решения Комитета исполнены не были».

96. В ежемесячном докладе за ноябрь 2008 года Бюро по Правам Человека и Соблюдению Законности, НПО, основанное в Таджикистане, предоставило следующую информацию о ситуации с пытками в местах содержания под стражей в этой стране:

«В Таджикистане всего 2% людей, подвергшихся пыткам, могут доказать этот факт и добиться соответствующего наказания лиц, совершивших правонарушение. В то же время руководство правоохранительных органов и судьи Таджикистана не уделяют достаточного внимания существующей проблеме применения пыток и других жестоких видов обращения. К такому выводу приводит исследование случаев применения пыток представителями правоохранительных органов в период задержания и проведения предварительного расследования, проведенное Лигой женщин-юристов и общественным фондом «Панорама». Проведя опрос пострадавших, исследователи получили ошеломляющие выводы.

Задержанные рассказали, что к ним применялись следующие виды насилия: психическое давление – 24%, избивание руками, ногами и дубинками по частям тела - 32,5%, угрозы применения физического насилия – 12,5%. Причем 32% жертв подвергались одновременно нескольким видам насилия, в том числе пыткам током, угрозам, запугиванию, избиваниям.

Последствиями применения пыток и жестокого у 57% пострадавших становится психическое расстройство, телесные повреждения наблюдаются почти у трети опрошенных. А 3% получают тяжкие телесные повреждения. Есть прецеденты со смертельным исходом [среди случаев, рассмотренных исследователями]. Подозрительно часто задержанные якобы кончают жизнь самоубийством в местах заключения.

Как показала практика и результаты проведенного исследования, виновные в применении пыток преимущественно остаются безнаказанными. Главная причина этого состоит в том, что подавляющая часть жертв пыток не обращается с заявлениями в правоохранительные органы. Только четвертая часть - около 24% [интервьюированных] - обратилась с заявлением о факте пыток и привлечении к ответственности виновных. Основными причинами являются страх и боязнь репрессий (44,5%), недоверие к сотрудникам силовых органов (29%), незнание, к кому обратиться (6,7%)...»

97. Глава о Таджикистане Всемирного доклада Human Rights Watch, выпущенного в январе 2009 года, гласит:

«Меры в рамках борьбы с экстремизмом и терроризмом»

По представлению генерального прокурора Верховный суд Таджикистана признал экстремистской организацию «Хизб-ут-Тахрир», выступающую за восстановление халифата мирными средствами. Власти продолжали арестовывать ее членов и предавать их суду по обвинению либо в подрывной деятельности, либо в разжигании расовой, национальной или религиозной розни, зачастую за одно лишь хранение печатных материалов.

...

Случай пыток и смерти в местах заключения

Принятое в Таджикистане определение пыток не в полной мере соответствует рекомендациям Комитета ООН против пыток от декабря 2006 г. Позитивным шагом стало изменение в марте 2008 г. Уголовно-процессуального кодекса с целью обеспечения недопустимости в суде полученных под пыткой доказательств.

Эксперты признают, что в большинстве случаев распространенная практика пыток остается безнаказанной. В одном из немногих дошедших до суда дел двое сотрудников милиции из Хатлонской области в августе 2008 г. были осуждены за недозволенное обращение с несовершеннолетними: один получил четыре года, второй - условный срок.

НПО и местные СМИ сообщали по меньшей мере о трех случаях смерти в местах заключения в 2008 г., включая смерть от рака бывшего зампреда Партии исламского возрождения Таджикистана Шамсидина Шамсидинова. В партии утверждали, что его арест в 2003 г. был политически мотивированным и что своевременная операция могла бы его спасти.

В решении по жалобе *Рахматов и другие против Таджикистана* от 1 апреля 2008 г. Комитет ООН по правам человека признал правительство ответственным за нарушение прав, включая право не подвергаться пыткам, в отношении пяти заявителей, двое из которых на момент ареста были несовершеннолетними. При рассмотрении жалобы правительство с комитетом не сотрудничало. Аналогичные нарушения были признаны комитетом 30 октября 2008 г. в решении по жалобе *Хусейнов и Бутаев против Таджикистана*.

98. В январе 2010 года Human Rights Watch выпустили Всемирный доклад 2010, где глава о Таджикистане в соответствующих частях гласит:

«Пытки в правоохранительной системе оставались обыденной практикой, правительство по-прежнему отказывалось предоставлять правозащитникам доступ в места содержания под стражей.

...

Пытки

Пытки почти безнаказанно практикуются как в органах внутренних дел, так и в пенитенциарных учреждениях. Нередко целью является принуждение обвиняемого к признанию, тем более что на первом этапе после задержания ему нередко отказывают в контактах с родственниками и адвокатом. На момент подготовки этого доклада правительство Таджикистана не удовлетворило ни одного запроса правозащитных организаций на посещение мест содержания под стражей, мест проведения допроса и мест заключения.

Определение пытки в законодательстве Таджикистана не в полной мере отвечает рекомендациям Комитета ООН против пыток от ноября 2006 г. В какой-то степени позитивным событием можно было назвать недавнее завершение местными и международными правозащитными организациями - в рамках двухлетнего проекта, финансируемого Евросоюзом, - работы по документированию случаев пыток в Таджикистане. Национальным координатором проекта выступало Бюро по правам человек и законности. За период немногим более двух лет было зафиксировано свыше 90 случаев пыток.

Свобода религии

...

Продолжали поступать сообщения об уголовном преследовании предполагаемых членов запрещенной в ряде стран региона «Хизб-ут-Тахрир» и о суровых приговорах при сомнительной доказательной базе.

99. Отчет Государственного Департамента США о правах человека по странам за 2009 год, выпущенный 11 марта 2010 года, в соответствующих частях гласит:

«Показатели правительства относительно прав человека остаются низкими, и коррупция по-прежнему тормозит демократическую и социальную реформы. Были отмечены следующие проблемы в сфере прав человека: ... пытки и жестокое обращение с задержанными и другими лицами со стороны органов безопасности; безнаказанность органов безопасности; отказ в праве на справедливый суд; тяжелые и угрожающие жизни условия тюремного содержания; запрет на доступ международных наблюдателей в тюрьмы; ...

Эти действия [жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание] запрещены законом, однако некоторые сотрудники службы безопасности применяли побои или другие формы насильственного принуждения для того, чтобы принудить к признаниям во время допроса, хотя эти действия не носили систематический характер. Чиновники не предоставили правозащитным организациям достаточный доступ у информации для того, чтобы расследовать заявления о применении пыток.

В Согдийской области четыре подозреваемых, арестованных по обвинению в убийстве, заявили, что следователи пытали их, пытаясь принудить сделать признание. Один из подозреваемых заявил, что следователь пригрозил «загубить» его дочь, если он не признается в совершении убийства. Тот же подозреваемый заявил, что он потерял ногти на пальцах ног в результате пыток в заключении. Суд отклонил заявление подозреваемого в применении пыток, его признали виновным в совершении убийства и других преступлений и приговорили к 30 годам лишения свободы. Несколько заключенных,

содержавшихся в тюрьмах Душанбе, также заявили, что они подвергались побоям в то время, как находились в заключении. Статьи Уголовного кодекса страны не дают конкретного определения пыткам, и государственные правоохранительные органы не разработали эффективных методов расследования случаев обвинения в применении пыток. Согласно отчету «Обзора по правам человека» (Human Rights Watch), опубликованному в течение года, «эксперты пришли к согласию о том, что в большинстве случаев распространенная в Таджикистане практика применения пыток остается безнаказанной».

Комитет ООН по правам человека выявил, что решением суда, принятого в апреле 2008 г. (*Рахматов и другие против Таджикистана*), правительство нарушает права, включая право на свободу от пыток, трех взрослых и двух несовершеннолетних лиц. Комитет также заметил, что правительство не сотрудничало с Комитетом и что похожие замечания были сделаны в отношении решения суда, принятого в октябре 2008 г. (*Хусейнов и Бутаев против Таджикистана*). Отказ в доступе к местам предварительного заключения воспрепятствовал попыткам определить, были ли внесены какие-либо улучшения с того времени.

...

Министерство юстиции по-прежнему отказывает представителям международного сообщества и гражданского общества в доступе к тюрьмам и местам предварительного заключения для того, чтобы проверить заявления о жестоком обращении и плохих условиях. Некоторые иностранные дипломатические миссии и НПО получили доступ для проведения программ поддержки или выполнения консульских функций, однако их представители могли находиться только в административных и медицинских отделениях, и они сопровождалась сотрудниками Министерства юстиции. Правительство не подписало соглашения с Международным комитетом Красного Креста (МККК), которое предоставляло бы ему свободный и беспрепятственный доступ к тюрьмам и местам заключения. Международные наблюдатели МККК не вернулись в страну после своего отъезда в 2007 году.

За прошедший год поступали жалобы от задержанных и заключенных на жестокие и угрожающие жизни условия содержания, в том числе, переполненность и плохие санитарные условия. Серьезной проблемой были голод и заболевания, однако внешние наблюдатели не смогли достоверно оценить масштаб проблем из-за отсутствия доступа. Организации, такие как Совет ООН по правам человека, сообщили, что уровень заражения туберкулезом и ВИЧ был весьма значительный и что качество медицинского обслуживания было очень низким.

Правительство редко проверяло полномочия прокуроров и милиции на арест. Система уголовного правосудия работала согласно Уголовному процессуальному кодексу, основанному на советском законодательстве 1961 года. Поступали заявления о том, что некоторые прокуроры и суды выдвигали сомнительные уголовные обвинения, а также о том, что некоторые чиновники оказывали неподобающее давление на судей для того, чтобы подсудимый был признан виновным. В декабре правительство одобрило новый уголовный процессуальный кодекс, который заменит существующий кодекс в апреле 2010 года.

...

Жертва насилия со стороны работников милиции может подать официальную жалобу в письменном виде их непосредственному начальнику или в офис Омбудсмана. Однако большинство жертв предпочитают молчание риску возмездия со стороны властей.

...

Прокуроры наделены полномочиями выдавать ордер на арест, и не существует никаких требований о том, что ордер на досудебное задержание должен получить судебное одобрение. При определенных обстоятельствах сотрудники милиции имеют право задержать подозреваемого без ордера, однако прокурор должен быть уведомлен об этом в течение 24 часов с момента ареста. После выдачи ордера милиция может держать подозреваемого в течение 72 часов до того, как предъявить обвинение. Адвокаты защиты заявили, что прокуроры часто удерживают подозреваемых дольше и регистрируют факт ареста только после того, как подозреваемый готов признаться. При исключительных обстоятельствах срок досудебного задержания может достигать 15 месяцев.

...

Прокурор следит за досудебным расследованием и имеет право начать уголовное преследование. Каждый задержанный имеет право воспользоваться услугами адвоката, и правительство должно предоставить бесплатного адвоката тем, кто не может оплатить его услуги. На практике же правительство не всегда предоставляло бесплатных адвокатов и в большинстве случаев эти адвокаты работали неэффективно. Системы освобождения под залог не существует, однако обвиняемые в уголовных преступлениях могут быть выпущены на свободу на определенных условиях и с соблюдением обязательства находиться в месте своего постоянного проживания в ожидании суда. Обычная продолжительность досудебного задержания составляла от двух до трех месяцев.

Согласно закону родственники могут навещать заключенного только после того, как ему было выдвинуто обвинение. Были отмечены случаи, когда власти не давали адвокатам и родственникам доступа к задержанным. Власти подолгу держали задержанных по обвинениям, связанным с национальной безопасностью, отрезанными от внешнего мира, не предъявляя им официального обвинения. В январе, после того, как родственники бывшего гражданина Таджикистана Мухаммади Салимзода предприняли попытку узнать о его местонахождении в течение пяти месяцев, Государственный комитет по национальной безопасности признал, что Салимзода все это время находился в государственном месте заключения. Салимзода был приговорен к 29 годам тюремного заключения за шпионаж и попытку свергнуть правительство. Однако он заявил, что сотрудники службы безопасности вынудили его признаться в совершении этих преступлений под физическим и психологическим давлением.

Как правило, правительство имело причину для каждого совершенного ареста, хотя поступали заявления о том, что власти фальсифицировали обвинения или “раздували” небольшие инциденты для того, чтобы совершать политически мотивированные аресты. Некоторые сотрудники милиции и чиновники

судебной власти регулярно получали взятки в обмен на вынесение мягкого приговора или освобождение.

...

Власти заявили, что политических заключенных нет и они не совершали политически мотивированных арестов. Оппозиционные партии и местные наблюдатели заявили, что правительство выборочно преследовало политических оппонентов. Точное количество политических заключенных неизвестно, однако бывшие лидеры оппозиции заявили, что в стране находятся сотни таких заключенных, включая бывших членов Объединенной таджикской оппозиции (ОТО).

В феврале Рустам Файзиев, заместитель председателя незарегистрированной партии Прогресса скончался в тюрьме после четырех лет заключения за оскорбление и клевету на Президента Рахмона в неотправленном и неопубликованном письме от 2005 г. Правительство заявило, что его смерть наступила по естественным причинам. Мухаммадрузи Искандаров, глава Демократической партии Таджикистана и бывший председатель государственной компании Таджикгаз, удерживающей монополию над газовым сектором страны, по-прежнему остается в тюрьме после его незаконной экстрадиции из России и обвинения в коррупции в 2005 г. Бывший министр внутренних дел Якуб Салимов оставался в тюрьме, отбывая свой 15-летний срок, назначенный за преступления против государства и государственную измену, в которых он был признан виновным в закрытом судебном разбирательстве в 2005 г.»

100. Глава «Таджикистан» в докладе Amnesty International «Права человека в современном мире», изданном в мае 2010 года, гласит в соответствующих частях:

«Правительство по-прежнему жестко контролировало отправление религиозных культов. Продолжали поступать сообщения о пытках и жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов.

...

Пытки и другие виды жестокого обращения

Не прекращали поступать сообщения о пытках и жестоком обращении со стороны сотрудников правоохранительных органов, в частности, о принуждении к даче признательных показаний в милиции в первые 72 часа после задержания (максимально разрешенный срок задержания без предъявления обвинений).

27 июня скончался врач Республиканского онкологического центра Хуршед Бобокалонов, которого арестовала милиция. Милиционеры остановили Хуршеда Бобокалонова, когда он шёл по улице, и заявили, что тот пьян. Хуршед Бобокалонов пытался возражать, но около 15 милиционеров силой заперли его в патрульную машину. Министерство внутренних дел заявило, что он умер от сердечного приступа по пути в отделение милиции. Мать пострадавшего сообщила о следах травм на лице и теле сына. Двадцать второго июля министр внутренних дел объявил о начале расследования по факту возможного

«причинения смерти по неосторожности». По состоянию на конец года официальной информации о ходе расследования не поступало».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

101. Заявитель жаловался, что в случае его экстрадиции в Таджикистан он подвергнется реальному риску жестокого обращения в нарушение Статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

102. Он также утверждал, основываясь на Статье 13 Конвенции, что ему не были доступны эффективные средства правовой защиты в отношении его заявлений о возможном жестоком обращении в Таджикистане. Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Представления сторон

1. Правительство

103. Правительство утверждало, что национальные власти, в том числе ФМС и суды, тщательно изучили утверждения заявителя о том, что он подвергнется риску жестокого обращения в случае экстрадиции в Таджикистан, и справедливо отклонили их как необоснованные. Информация, полученная из «официальных источников», не подтвердила, что таджикские власти преследовали своих граждан по политическим или религиозным мотивам или подвергали уголовно преследуемых граждан бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Суды рассмотрели также информацию, полученную от различных НПО. Однако их отчеты не являются официальными документами и не обязательны для судов. В любом случае, заявитель приехал в Россию в 2007 году, чтобы заработать деньги. Он не легализовал свой статус по прибытии и до своего ареста в 2008 году не ходатайствовал о предоставлении российского гражданства, убежища

или временного убежища. Он также не уведомил власти о своих опасениях стать жертвой преследований в Таджикистане, о чем свидетельствуют его объяснения от 6 августа 2008 года и протокол судебного заседания от 20 апреля 2009 года.

104. Правительство также утверждало, что заявитель не обратился к властям, чтобы обеспечить свое присутствие на слушании 20 апреля 2009 года. В любом случае, его адвокат присутствовал на слушании, а прокурор нет.

105. Кроме того, они утверждали, что заявитель имел в своем распоряжении ряд эффективных средств правовой защиты в отношении его жалобы по Статье 3. В частности, в соответствии со статьей 462 § 6 Уголовно-процессуального кодекса лицо, оспаривающее решение об экстрадиции, не может быть выдано до тех пор, пока решение не вступит в силу. Кроме того, в соответствии со статьей 464 § 5 УПК лицо не может быть выдано, если вынесено окончательное решение суда о запрете экстрадиции. Наконец, статья 12 Закона о беженцах предусматривает возможность предоставления лицу временного убежища, даже если он или она не подпадают под критерии получения статуса беженца.

2. Заявитель

106. Заявитель утверждал, что существуют серьезные основания полагать, что он подвергнется реальной опасности жестокого обращения в нарушение Статьи 3 в случае его экстрадиции в Таджикистан. Опираясь на доклады различных НПО, таких как Human Rights Watch и Amnesty International, заявитель утверждал, что пытки продолжают применяться к задержанным в Таджикистане с целью получения признаний, а лица, преследуемые за их предполагаемое членство в ХТ, особенно уязвимы. Заявитель также сослался на свой собственный опыт жестокого обращения со стороны властей и свидетельства его родственников о том, что им угрожали и что его обвиняемых подвергли жестокому обращению после его побега. По словам заявителя, после того, как городской суд попросил таджикских властей прокомментировать его обвинения, касающиеся правоохранительной системы Таджикистана, для заявителя риск подвергнуться жестокому обращению в отместку за его критику, а также за его побег, стал еще выше. Ссылаясь на постановление Суда по делу *Саади*, заявитель также утверждал, что заверений таджикских властей недостаточно, чтобы защитить его от предполагаемого риска жестокого обращения.

107. Заявитель также утверждал, что при рассмотрении дела российские власти не приняли во внимание его конкретных доводов о религиозном и политическом характере его преследования и соответствующих докладов независимых НПО, а опирались

исключительно на «официальные источники информации». Вывод судов о том, что заявитель добровольно покинул Таджикистан, противоречил его последовательным доводам о том, что он бежал из-за преследований на религиозной почве и жестокого обращения, которому он подвергся под стражей. Ссылаясь на другие дела против России о высылке и выдаче, находящиеся на рассмотрении Суда, заявитель утверждал, что российские суды последовательно применяют тот же формальный подход в рассмотрении таких жалоб, что показывает, что средства правовой защиты, предложенные Правительством, неэффективны на практике.

108. Наконец, он заявил, что законодательство об убежище однозначно не запрещает выдачу лиц, ищущих убежища, что результат процедуры предоставления убежища был предрешен в процедуре экстрадиции, и что его отсутствие на слушаниях 7 апреля 2009 года лишило его возможности эффективно оспаривать отказ УФМС Москвы предоставить ему статус беженца.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

109. Суд отмечает, что жалобы заявителя по Статьям 3 и 13 Конвенции не являются явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции. Он далее отмечает, что они не являются неприемлемыми ни по каким основаниям и в силу этого должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо дела

(а) Статья 3 Конвенции

(i) Общие принципы

110. В первую очередь, Суд повторяет, что Договаривающиеся Государства имеют право в качестве предмета международного права и с учетом их договорных обязательств, в том числе Конвенции, контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев (см. дело *Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства*, 28 мая 1985 года, § 67, Серия А № 94), а право на политическое убежище прямо не защищено ни Конвенцией, ни Протоколами к ней (см. дело *Салах Шихх против Нидерландов*, № 1948/04, § 135, ECHR 2007-I (выдержки)). Однако высылка Договаривающимся Государством может поднимать вопрос по Статье 3 и, следовательно, влечь за собой ответственность этого государства в соответствии с

Конвенцией, если демонстрируются серьезные основания полагать, что в случае депортации лицо столкнется с реальным риском подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3.

111. В таком случае Статья 3 предполагает обязательство не высылать лицо в эту страну (см. дело *Саади против Италии* [БП], № 37201/06, § 125, ECHR 2008-...). Тем не менее, не приходится говорить об установлении ответственности или вынесении решения против принимающей страны, будь то в рамках общего международного права, согласно Конвенции или иным образом (см. дело *Серинг против Соединенного Королевства*, 7 июля 1989 года, § 91, Серия А № 161).

112. Оценка того, есть ли серьезные основания полагать, что заявителю угрожает реальная опасность подвергнуться обращению в нарушение Статьи 3, неизбежно требует, чтобы Суд оценил условия в принимающей стране относительно стандартов данного положения Конвенции (см. дело *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [БП], № 46827/99 и 46951/99, § 67, ECHR 2005-I). Эти стандарты подразумевают, что жестокое обращение с заявителем, с которым, как он утверждает, он столкнется в случае возвращения, должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие Статьи 3. Оценка этого является относительной, в зависимости от всех обстоятельств дела (см. *Хилал против Соединенного Королевства*, № 45276/99, § 60, ECHR 2001-II).

113. При определении того, было ли доказано, что в случае экстрадиции заявителю угрожает реальная опасность подвергнуться обращению, запрещенному Статьей 3, Суд будет рассматривать вопрос в свете всех материалов, представленных ему, или, при необходимости, материалов, полученных по собственной инициативе (см. дело *Саади*, цитированное ранее, § 128). Так как сущность ответственности Договаривающихся Государств в соответствии со Статьей 3 в делах такого рода заключается в подвергании лица риску жестокого обращения, существование риска должно оцениваться, в первую очередь, с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент экстрадиции (см. дело *Вильвараджа и другие против Соединенного Королевства*, 30 октября 1991 года, § 107, Серия А № 215).

114. В принципе, заявитель сам должен представлять доказательства, способные свидетельствовать, что есть серьезные основания полагать, что если обжалуемые им меры будут исполнены, он столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 (см. дело *Н. против Финляндии*, № 38885/02, § 167, 26 июля 2005 года). Когда такие доказательства приведены, на Правительство переносится обязанность рассеять

любые сомнения на этот счет (см. дело *Рябкин против России*, № 8320/04, § 112, 19 июня 2008 года).

115. Что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд устанавливал несколько раз, что он может придать определенное значение информации, содержащейся в последних докладах независимых международных правозащитных ассоциаций, таких как Amnesty International, или правительственных источников, в том числе Государственный департамент США (см. дело *Саади*, цитированное ранее, § 131, с дальнейшими ссылками). В то же время, одна лишь возможность жестокого обращения вследствие неустойчивой ситуацией в принимающей стране сама по себе не приводит к нарушению Статьи 3 (там же).

116. Если источники, доступные Суду, описывают общую ситуацию, то конкретные утверждения заявителя в каждом определенном случае требуют подтверждения другими доказательствами (см. дело *Маматкулов и Аскарлов*, цитированное ранее, § 73).

(ii) *Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу*

117. Правительство утверждало, что «официальные источники» не подтвердили утверждение заявителя о том, что он столкнется с реальной угрозой жестокого обращения и пыток в случае экстрадиции в Таджикистан. Ссылаясь на различные доклады международных и местных НПО и свой собственный опыт, заявитель оспаривал аргумент Правительства.

118. Суд повторяет, что в тех случаях, когда заявитель представляет мотивированные основания, ставящие под сомнение точность информации, на которую ссылается Государство-ответчик, Суд должен убедиться, что оценка, проведенная органами Договаривающегося Государства, является адекватной и в достаточной степени подтверждается внутригосударственными материалами, равно как и материалами, исходящими из других надежных и объективных источников, таких как, например, другие Договаривающиеся и иные Государства, учреждения Организации Объединенных Наций и авторитетные неправительственные организации (см. дела *Салах Шикх*, цитированное ранее, § 136, и *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, § 120, 24 апреля 2008 года).

119. Суд сначала оценит, получили ли жалобы заявителя какой-либо ответ на национальном уровне (см. дело *Муминов против России*, № 42502/06, § 86, 11 декабря 2008 года).

(a) *Внутренние разбирательства*

120. Принимая во внимание материалы, имеющиеся в его распоряжении, Суд отмечает, что заявитель жаловался на риск

подвергнуться обращению в нарушение Статьи 3 и при получении убежища, и в экстрадиционных процедурах, и что в обоих этих разбирательствах местные власти приняли во внимание его представления. Таким образом, при оценке того, получили ли жалобы заявителя адекватный ответ, Суд будет учитывать оба разбирательства.

121. Ссылаясь на объяснения заявителя от 6 августа 2008 года и протокол слушания 20 апреля 2009 года, Правительство утверждало, что заявитель не сообщил властям о своих опасениях стать жертвой преследований в Таджикистане. В этой связи Суд отмечает, что информация, содержащаяся в письменных объяснениях, действительно была не очень подробной. Однако 19 декабря 2008 года адвокат заявителя уведомил Генеральную прокуратуру Российской Федерации о том, что заявитель обжаловал в суде отказ в предоставлении ему убежища, и просил принять этот факт во внимание при рассмотрении вопроса об экстрадиции (см. параграф 23 выше). Кроме того, в соответствии с оспариваемым протоколом слушаний от 20 апреля 2009 года и вопреки утверждению Правительства, заявитель представил в городской суд подробные материалы по риску подвергнуться обращению, нарушающему Статью 3 (см. пункт 29 выше).

122. Принимая во внимание представления заявителя в судах в разбирательствах по экстрадиции и предоставлению убежища, Суд считает, что он последовательно поднимал перед национальными властями вопрос о риске того, что он подвергнется обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции, приводя ряд конкретных и подробных аргументов. Среди прочего, он сослался на свой предыдущий предполагаемый опыт жестокого обращения, систематическую практику жестокого обращения в отношении задержанных в Таджикистане и тот факт, что власти преследовали его по религиозным мотивам. Заявитель обосновал свои утверждения ссылкой на доклады международных организаций о ситуации с правами человека в Таджикистане, в частности, в отношении риска для лиц быть задержанными и подвергнуться преследованиям за свои религиозные убеждения (см. параграфы 26, 29, 36, 39-43, 46, 48 и 51 выше). Однако Суд не убежден в том, что национальные власти адекватно оценили риск пыток или жестокого обращения в случае экстрадиции заявителя в Таджикистан.

123. Что касается процедуры экстрадиции, Суд не может не отметить, что национальные власти, участвовавшие в процессе принятия решений, на самом деле не учли представлений заявителя о том, что он подвергнется риску обращения, запрещенного Статьей 3, в его родной стране. В частности, они не рассмотрели его утверждения о предыдущем жестоком обращении под стражей в Таджикистане и его представления о том, что он особо рискует подвергнуться пыткам как

лицо, обвиняемое в активном участии в запрещенной религиозной организации (см. параграфы 37 и 41 выше). Они также не рассмотрели его утверждение о том, что он бежал из-под стражи из-за нанесенных ему побоев (там же).

124. Суд считает особенно удивительным утверждение городского суда о том, что заявитель «по политическим или каким-либо мотивам не преследовался на территории Республики Таджикистан и не преследуется в настоящее время» (см. параграф 37 выше), хотя в копии соответствующего протокола судебного заседания ясно содержится информация об обратном (см. параграф 29 выше).

125. Кроме того, ни городской суд, ни Верховный Суд не рассмотрели большое количество соответствующей информации из независимых НПО, на которые ссылался заявитель и которые были приобщены этими судами к материалам дела (см. параграфы 29, 37 и 42 выше). Выясняется, что суды решили положиться исключительно на скудную информацию, содержащуюся в письме МИД (там же).

126. По мнению Суда, разбирательство о предоставлении убежища было запятнано теми же дефектами, которые перечислены выше (см. параграфы 47-48 выше). В частности, в своем решении от 10 сентября 2009 года Замоскворецкий районный суд прямо отказался рассматривать информацию из неправительственных источников и оценивать вопрос о риске для заявителя подвергнуться обращению в нарушение Статьи 3 (см. параграф 50 выше). Тот же суд указал, что заявитель «лишь опасался уголовного преследования», что противоречит представлениям заявителя, приведенным ранее в этом же решении, о том, что он опасался возвращения в Таджикистан из-за угрозы применения пыток (там же). Это справедливо также для кассационного определения от 28 января 2010 года (см. параграф 53 выше).

127. В целом, по причинам, изложенным в параграфах 123-126 выше, Суд считает, что национальные власти не дали адекватной оценки риску для заявителя подвергнуться пыткам или жестокому обращению, в случае его экстрадиции в Таджикистан.

(β) Оценка риска Судом

128. Теперь Суд должен оценить, существует ли реальный риск того, что в случае экстрадиции в Таджикистан заявитель подвергнется обращению, запрещенному Статьей 3. В соответствии с прецедентным правом, и принимая во внимание, что заявитель не был экстрадирован в связи с применением срочных мер в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, имеющей значение датой для оценки этого риска является дата рассмотрения дела Судом.

129. В соответствии с представлениями Правительства, утверждение заявителя о риске жестокого обращения или пыток

осталось не подтвержденным «официальными источниками». Предполагая, что Правительство имеет в виду письмо российского МИДа, использованного при рассмотрении экстрадиции, Суд, тем не менее, напоминает, что в случаях, касающихся высылки или выдачи иностранцев, он имеет право сравнить материалы, предоставленные Правительством, с информацией из других надежных и объективных источников (см. дела *Салах Шикх*, цитированное ранее, § 136; и *Саади*, цитированное ранее, § 131).

130. В этой связи Суд отмечает, что доказательства из ряда объективных источников описывают тревожную ситуацию в Таджикистане. В частности, Комитет ООН против пыток, Государственный департамент США, Amnesty International и Human Rights Watch охарактеризовали практику применения пыток в отношении лиц под стражей в полиции как «систематическую», «распространенную» и «повседневную» (см. параграфы 93, 94 и 98 выше). Комитет также отметил, что задержанные часто содержатся под стражей без регистрации задержания, им препятствуют в доступе к адвокату и медицинском обследовании после их ареста, и что часто используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток (см. параграф 93 выше).

131. Human Rights Watch обращалась к вопросу о содержании под стражей без связи с внешним миром (см. параграф 95 выше), а Государственный департамент США особо указывал, что таджикские власти содержали под стражей лиц, обвиняемых в совершении преступлений, связанных с национальной безопасностью, без связи с внешним миром в течение длительного времени (см. параграф 99 выше). Он также отметил, что ряд независимых наблюдателей заявили, что предоставление безнаказанности государственным должностным лицам за акты жестоких пыток было общей практикой (см. параграфы 96, 98 и 99 выше).

132. Обращаясь к личной ситуации заявителя, Суд отмечает, что он разыскивается властями Таджикистана из-за его предполагаемого активного участия в «Хизб ут-Тахрир», религиозной организации, которую Верховный Суд Таджикистана запретил из-за ее экстремистской деятельности. Полный список обвинений, предъявленных заявителю, включает, помимо возбуждения религиозной розни и участия в преступной организации, призывы к свержению конституционного строя, что, несомненно, относится к категории преступлений против государственной безопасности.

133. Суд далее отмечает, что в соответствии с Human Rights Watch преследования Правительством нетрадиционных религиозных групп и мусульманских общин, которые были независимы от контролируемых государством религиозных организаций, усилилась в 2007 году (см. параграф 95 выше), и, по-видимому, что эта тенденция, в частности в

отношении предполагаемых членов «Хизб ут-Тахрир», продолжилась после 2008 года и на протяжении 2010 года (см. параграфы 97 и 98 выше).

134. Указывалось, среди прочего, что правоохранные органы продолжают арестовывать лиц просто потому, что они были обвинены в хранении листовок «Хизб ут-Тахрир», и приговаривать их к длительным срокам лишения свободы, основываясь на сомнительных доказательствах (см. параграфы 95, 97 и 98 выше). На этом фоне весьма важное значение для Суда имеет то, что таджикские власти последовательно отказываются предоставить независимым наблюдателям доступ к местам содержания под стражей (см. параграфы 93, 95 и 99 выше, и в сравнении с делом *Абдолхани и Каримниа против Турции*, №30471/08, § 81, ECHR 2009-... (выдержки)). Также отмечается, что в недавнем судебном постановлении против России Суд установил, что имеются серьезные основания верить в существование практики преследования членов и сторонников «Хизб ут-Тахрир», чьи основные цели, по всей видимости, являются как религиозными, так и политическими (см. дело *Ходжаев против России*, № 52466/08, § 101, 12 мая 2010 года).

135. Что касается представлений заявителя о том, что он уже подвергался жестокому обращению со стороны таджикских правоохранных органов, Суд отмечает, что он не привел достоверных доказательств, таких, например, как заявления его родственников, чтобы подкрепить свои представления. Тем не менее, он считает, что изложение заявителем событий последовательно и подробно (см. дело *Гараев против Азербайджана*, № 53688/08, § 72, 10 июня 2010 года). В этой связи Суд считает странным, что решение от 25 мая 2006 года, принятое властями Таджикистана, четко указывает, что заявитель бежал с «дачи» МНБ, что, по мнению Суда, еще раз подчеркивают достоверность его представлений о событиях после его ареста в Таджикистане в 2006 году (см. параграф 14 выше).

136. Принимая во внимание обстановку безнаказанности сотрудников правоохранных органов, практикующих пытки (см. параграфы 93, 95, 98 и 99 выше), и тот факт, что в случае экстрадиции заявитель, вероятно, будет помещен в тот же изолятор в ожидании суда, Суд считает, что его утверждения о том, что он столкнется с большим риском подвергнуться обращению в нарушение Статьи 3 в отместку за его побег из-под стражи, не могут рассматриваться как полностью безосновательные. В связи с этим он принимает к сведению представления заявителя о том, что к его родственникам приходили сотрудники правоохранных органов, которые угрожали им и заявителю расправой (см. параграфы 13, 29 и 106 выше, см. также *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, § 124).

137. Для Суда также имеет значение, что офис УВКБ ООН после интервьюирования заявителя и внимательного изучения его дела установил, что он не может вернуться в Таджикистан как лицо, преследуемое за приписываемые ему политические взгляды, и что он имеет право на международную защиту в соответствии с мандатом [УВКБ ООН] (см. параграф 55 выше).

138. Наконец, поскольку местные власти опирались на дипломатические заверения Генеральной прокуратуры Таджикистана, Суд отмечает, что они сами по себе не достаточны для обеспечения адекватной защиты от риска жестокого обращения, когда надежные источники сообщают о применении методов, которые явно противоречат принципам Конвенции, властями или при их попустительстве (см. дело *Саади*, цитированное ранее, §§ 147-48).

139. В свете вышеизложенного, Суд считает, что были продемонстрированы существенные основания полагать, что заявителю будет угрожать реальная опасность обращения, запрещенного Статьей 3, в случае экстрадиции в Таджикистан.

140. Таким образом, Суд приходит к заключению, что исполнение решения об экстрадиции в отношении заявителя повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции.

(b) Статья 13 Конвенции

141. Заявитель жаловался, что у него не было эффективных средств правовой защиты в отношении его жалобы по Статье 3 Конвенции в нарушение статьи 13.

142. Правительство оспаривало представления заявителя.

143. Принимая во внимание представления заявителя, Суд считает, что суть его жалобы по Статье 13, которую Суд считает «оспоримой» (см. дело *Муминов*, цитированное ранее, § 99), состоит в предполагаемой неспособности национальных властей тщательно исследовать риск подвергнуться жестокому обращению в случае его экстрадиции в Таджикистан (см. параграфы 106-108 и в особенности параграф 107 выше).

144. В этой связи Суд отмечает, что он уже рассматривал данное предположение в контексте Статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание свои выводы в параграфах 123-127 выше, Суд считает, что нет необходимости рассматривать эту жалобу отдельно по существу (см., с соответствующими изменениями, дело *Макарацис против Греции* [БП], № 50385/99, §§ 84-86, ECHR 2004-XI).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

145. Заявитель жаловался по Статье 5 § 1 (f) Конвенции, что его содержание под стражей было незаконным, поскольку его срок не был

продлен после 16 ноября 2006 года, а соответствующие решения суда не устанавливали его ограничений по времени. Он также заявил, что применимые правовые положения недостаточно ясны и точны и, следовательно, не удовлетворяют критериям «качества закона» в соответствии со Статьей 5 Конвенции. Также, ссылаясь на отказ судов рассмотреть его жалобы о содержании под стражей и просьбы об освобождении, он утверждал, что был лишен права на судебный пересмотр законности его содержания под стражей в соответствии со Статьей 5 § 4.

146. Статья 5 Конвенции в соответствующих частях гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предписанной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Представления сторон

1. Правительство

147. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении его жалобы по Статье 5. В частности, он не обжаловал решения о заключении под стражу от 7 августа и 16 сентября 2008 года в кассации или в порядке надзора в соответствии со статьями 108 § 11 и 109 § 8 УПК, несмотря на то, что он был уведомлен о сроках и порядке обжалования. Заявитель также не обжаловал отказ рассмотреть его запрос об освобождении от 27 января 2009 года и не исправил недостатки, указанные в этом решении. Учитывая, что в соответствии со статьей 466 УПК прокурор должен ходатайствовать в суде о содержании заявителя под стражей, заявитель также мог пожаловаться на бездействие прокуроров в соответствии со статьями 124 и 125 УПК. В то время как городской суд действительно проигнорировал просьбу заявителя об освобождении, поданную 20 апреля 2009 года, заявитель

не жаловался на это в своей кассационной жалобе. Кроме того, заявитель не обжаловал в порядке надзора отказ Верховного Суда в рассмотрении его письменного заявления об освобождении, поданного 8 июня 2009 года. Более того, заявитель мог подать жалобу о содержании под стражей в суд в соответствии со статьей 17 Закона о содержании под стражей или обжаловать действия или бездействие администрации СИЗО в соответствии с главой 25 УПК.

148. В качестве альтернативы Правительство заявляло, что последнее решение о заключении заявителя под стражу было вынесено 16 сентября 2008 года и что заявитель в связи с этим не смог соблюсти правило шести месяцев в отношении его жалобы в соответствии со Статьей 5 § 1.

149. Правительство также заявило, что национальные власти были вынуждены содержать заявителя под стражей, поскольку Страсбургский Суд применил Правило 39 и указал им приостановить его экстрадицию. Ссылаясь на дело *Чахал* (см. дело *Чахал против Соединенного Королевства*, 15 ноября 1996 года, Отчеты о постановлениях и решениях 1996-V), они подчеркнули, что пункт 1 (f) Статьи 5 Конвенции предусматривает уровень защиты, отличный от пунктов 1 (a)-(e), требуя только, чтобы производились действия по экстрадиции. Следовательно, для этого положения несущественно, достаточно ли оснований для содержания лица под стражей. Соответственно, содержание заявителя под стражей с 5 августа 2008 года было «законным» по смыслу приведенного выше положения.

150. Далее они утверждали, что применимое внутреннее законодательство достаточно ясно и предсказуемо и позволяло заявителю оценить вероятную продолжительность его содержания под стражей. В этой связи они сослались на статьи 108 и 109 УПК, определение Конституционного Суда от 4 апреля 2006 года и постановление Верховного суда от 29 октября 2009 года, которые, по их мнению, дали исчерпывающее толкование применения этих положений к процедуре выдачи. Следовательно, отсутствие сроков в решениях о заключении под стражу от 7 августа и 16 сентября 2008 года было совместимо с требованиями Статьи 5 § 1 (f). Наконец, Правительство заявило, что Генеральная прокуратура проявила должную осмотрительность при проведении процедуры экстрадиции.

2. Заявитель

151. Заявитель утверждал, что если бы длительность его заключения исчислялась в соответствии со статьей 109 УПК, срок его содержания под стражей, санкционированного постановлением от 16 сентября 2008 года, истек бы 16 ноября 2008 года, то есть через два месяца. Соответственно, подав жалобу в Суд 15 мая 2009 года, он выполнил требование шесть месяцев.

152. Он также заявлял, что исчерпал внутренние средства правовой защиты. В частности, он утверждал, что у него не было необходимости использовать надзорные жалобы, потому что данное средство правовой защиты не является эффективным.

153. Кроме того, он утверждал, что, в противоположность представлениям Правительства, он последовательно пытался добиться рассмотрения его содержания под стражей, но его жалобы были отвергнуты без рассмотрения – сначала Бабушкинским районным судом, который подменил его жалобу гражданским иском, а затем городским судом и Верховным Судом, которые не приняли во внимание его устные и письменные представления. Попытки заявителя поднять этот вопрос в Нагатинском и Симоновском районных судах также встретили отказ в рассмотрении его жалобы. Более того, Симоновский районный суд ответил на жалобу заявителя письмом, тем самым лишив его возможности оспорить его в обычном порядке. Попытки адвоката заявителя обжаловать его содержание под стражей в прокуратуру также не дали никаких результатов, что доказало, что это средство правовой защиты также не было эффективным.

154. Заявитель подчеркивает, что основная идея его жалобы в соответствии со Статьей 5 § 1 (f) была не в незаконности первоначальных решений о заключении его под стражу, а в непродлении властями срока его содержания под стражей после истечения 16 ноября 2008 года двух месяцев в соответствии с решением о заключении под стражу от 16 сентября 2008 года, и данное бездействие было нарушением национального законодательства.

155. По словам заявителя, отсутствие указания на сроки его содержания под стражей в решении от 7 августа 2008 года оставило его в состоянии неопределенности в отношении продолжительности его содержания под стражей. Более того, решение от 16 сентября 2008 года должно было быть направлено на продление срока содержания заявителя под стражей, поскольку он уже был под стражей. Однако оно было названо решением о заключении под стражу и, опять же, не устанавливало никаких сроков, что позволило властям держать его под стражей в течение неограниченного периода времени.

156. Заявитель также утверждал, что внутренние положения, регулирующие содержание под стражей в ожидании экстрадиции, были неясными и непредсказуемыми. В частности, ответ Генеральной прокуратуры омбудсмену признал отсутствие единого судебного подхода к содержанию под стражей лиц в ожидании экстрадиции и ясно показал, что внутренние положения не удовлетворяют требованию «качества закона» в соответствии с Конвенцией. Неопределенность закона была также продемонстрирована в утверждении Генеральной прокуратуры о том, что максимальный срок

содержания под стражей до восемнадцати месяцев, установленный статьей 109 УПК, применяется исключительно к лицам, задержанным в ожидании экстрадиции, когда проводится экстрадиционная проверка, а не к тем, лиц, в отношении которых Генеральная прокуратура уже вынесла решение об экстрадиции. Аналогичным образом, в то время как Правительство утверждает, что Глава 13 УПК о мерах пресечения применяется к содержанию под стражей в ожидании экстрадиции, они не приняли во внимание тот факт, что его содержание под стражей нарушало соответствующие положения. Неудовлетворительное качество закона лишило заявителя возможности оценить вероятную продолжительность его содержания под стражей, которая в любом случае превысила максимальный срок 18 месяцев, предусмотренный статьей 109 УПК.

157. Он далее заявил, что Генеральная прокуратура завершила экстрадиционную проверку 30 декабря 2008 года, а 8 июня 2009 года данное решение стало окончательным и процедуры по его экстрадиции были прекращены. После этого никаких действий с целью его экстрадиции не предпринималось, так что его дальнейшее содержание под стражей является нарушением Статьи 5 § 1 (f). По утверждению заявителя, тот факт, что он обжаловал решение об экстрадиции в судах, не делал необходимым его дальнейшее содержание под стражей и не освобождал власти от обязанности санкционировать его в соответствии с законом. Аналогичным образом, Закон о беженцах не содержит требования содержать под стражей лиц, ищущих убежища, а заявление Правительства о том, что власти были вынуждены держать его под стражей из-за применения Страсбургским Судом Правила 39, было некорректным.

158. Опираясь на постановления Суда по делам *Исмоилов и другие* и *Насруллоев*, заявитель утверждал, что ссылка Правительства на статьи 108 и 109 УПК была плохо продумана. В частности, из формулировки этих положений очевидно, что продление срока содержания под стражей можно оспорить только при наличии решения о продлении срока содержания под стражей. Однако в его деле таких решений принято не было. Статья 124 УПК обеспечивает возможность жаловаться в прокуратуру или следственный орган, но не обеспечивает доступа к судебному пересмотру содержания под стражей, как того требует Статья 5 § 4 Конвенции. Статья 125 УПК содержит закрытый перечень решений, которые суд может принять при рассмотрении жалобы. Однако среди них не обозначена возможность того, чтобы суд мог обязать следственный орган освободить задержанного. Напротив, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 10 февраля 2009 года, хотя суд, рассматривающий жалобу в порядке статьи 125, может обязать правоохранительный орган, чьи действия он

считает незаконным, исправить нарушения, он не может отменить решение, которое он признает незаконным.

159. Что касается статьи 17 Закона о содержании под стражей, хотя данная норма упоминает право задержанного оспорить его содержание под стражей в суде, она не устанавливает соответствующего порядка. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда № 2 (см. Соответствующее внутреннее законодательство выше), заявитель не мог пожаловаться на свое содержание под стражей в соответствии с Главой 25 Гражданского кодекса.

160. Наконец, заявитель утверждал, что он несколько раз пытался добиться рассмотрения его содержания под стражей, но его попытки не дали никаких значимых результатов.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

161. Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты и не выполнил требования шести месяцев в отношении его жалобы в соответствии со Статьей 5 Конвенции.

162. Суд считает, что вопросы об исчерпании внутренних средств правовой защиты и соблюдении шестимесячного срока тесно связаны с существом жалобы заявителя по Статье 5 Конвенции. Таким образом, он считает необходимым присоединить возражения Правительства к существу этих жалоб.

163. Суд далее отмечает, что жалобы по Статье 5 §§ 1 и 4 не являются явно необоснованными в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции. Он считает, что они не являются неприемлемыми ни по каким иным основаниям и, таким образом, должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо дела

(а) Статья 5 § 4 Конвенции

164. Сначала Суд исследует жалобу заявителя по Статье 5 § 4 Конвенции.

165. Суд повторяет, что целью Статьи 5 § 4 является обеспечение лицам, которые арестованы или заключены под стражу, права на судебный контроль за законностью меры пресечения, которой они подверглись (см., с соответствующими изменениями, дело *Де Вильде, Уумс и Версин против Бельгии*, 18 июня 1971 года, § 76, Серия А № 12). Средство правовой защиты должно быть доступно во время

содержания лица под стражей, чтобы позволить этому лицу получить безотлагательный судебный контроль за его законностью. Контроль должен быть способен привести, в случае необходимости, к освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого Статьей 5 § 4 Конвенции, должно быть достаточно определенным, иначе у него будут отсутствовать характеристики доступности и эффективности, требуемые для целей данного положения (см. дело *Талат Тене против Турции*, № 31247/96, § 72, 21 декабря 2004 года).

166. Правительство утверждало без каких-либо дополнительных деталей, что заявитель не оспорил в порядке судебного надзора решения о заключении под стражу от 7 августа и 16 сентября 2008 года и отказ Верховного Суда рассмотреть его письменное заявление об освобождении, поданное 8 июня 2009 года. В этой связи Суд напоминает, что в соответствии с его постоянной практикой надзор не является средством правовой защиты, которое используется для целей Статьи 35 § 1 Конвенции (см. дела *Бердзенишвили против России* (реш.), № 31697/03, 29 января 2004 года; *Шулепов против России*, № 15435/03, § 23, 26 июня 2008 года; и, в контексте Статьи 5, *Назаров против России*, № 13591/05, § 94, 26 ноября 2009 года). Учитывая, что Правительство не уточнило, как упомянутое средство правовой защиты могло бы обеспечить заявителю адекватную превентивную или компенсационную защиту от предполагаемого нарушения Статьи 5, Суд считает, что они не смогли обосновать свои заявления о том, что оно было эффективным (см., среди прочих источников, дела *Кранц против Польши*, № 6214/02, § 23, 17 февраля 2004 года; *Скавинска против Польши* (реш.), № 42096/98, 4 марта 2003 года; и *Назаров*, цитированное ранее, там же).

167. Что касается представлений Правительства относительно того, что заявитель не обжаловал отказ в рассмотрении его жалобы от 21 января 2009 года, Суд удивляет, что Бабушкинский районный суд рассмотрел жалобу, которая была четко названа заявлением об освобождении и содержала явные и многочисленные ссылки на Уголовно-процессуальный кодекс (см. параграф 58 выше), в качестве гражданского иска и предложил заявителю устранить недостатки, чтобы подать гражданский иск, что явно не было намерением заявителя. В любом случае, Правительство не показало, как обжалование этого решения могло бы предоставить заявителю возможность получения судебного пересмотра его содержания под стражей или обеспечило бы ему адекватную защиту в отношении предполагаемого нарушения Статьи 5. То же самое верно и в отношении их аргумента о том, что заявитель не обжаловал в кассации отказ городского суда рассмотреть его устное ходатайство об освобождении в ходе процедуры экстрадиции (см. параграф 38 выше).

168. Кроме того, Правительство заявило, что заявитель мог обжаловать в суд свое содержание под стражей в соответствии с разделом 17 Закона о содержании под стражей, но они не конкретизировали данное утверждение. В любом случае, Суд уже постановил, что Закон о содержании под стражей вытекает из Уголовно-процессуального кодекса и касается лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовных правонарушений в России, и нет никаких признаков того, что этот закон применяется на момент рассмотрения дела к лицам, задержанным в ожидании экстрадиции. Таким образом, Суд не уверен, что средство правовой защиты, предложенное Правительством, имело какое-либо отношение к заявленным нарушениям (см. дело *Муминов*, цитированное ранее, § 115).

169. Правительство также утверждало, что заявитель мог оспорить некие действия или бездействие администрации следственного изолятора в соответствии с главой 25 УПК. Но и здесь они не смогли указать, какие предполагаемые действия или бездействие СИЗО заявитель должен был оспорить и в соответствии с какими положениями этой главы из УПК, как и то, какую защиту такая жалоба могла бы ему предоставить.

170. По утверждению Правительства, заявитель также имел возможность пожаловаться на бездействие прокуроров другим прокурорам и в суды в соответствии со статьями 124 и 125 УПК соответственно.

171. В этой связи Суд отмечает, что он уже заявил, что статьи 124 и 125 УПК наделяют правом жаловаться на предполагаемые нарушения прав и свобод в рамках уголовного дела исключительно участников этих разбирательств (см. дела *Исмоилов и другие* и *Муминов*, оба цитированные ранее, §§ 150, 115 и 127 соответственно).

172. Более того, как правильно утверждал заявитель, статья 124 предусматривает возможность подавать жалобу следователю или прокурору, но это не обеспечивает ему возможность получить «судебное рассмотрение» его содержания под стражей, как того требует Статья 5 § 4. Суд также не упускает из виду тот факт, что в своем постановлении № 1 Верховный Суд исключил судебные решения о заключении под стражу из объема решений, подлежащих судебному контролю в порядке статьи 125 УПК (см. параграф 84 выше). На этом фоне и в отсутствие каких-либо примеров из национальной судебной практики, представленной Правительством, которая бы демонстрировала, что лица в ситуациях, аналогичных ситуации заявителя, могут ссылаться на статьи 124 и 125 УПК для получения судебного рассмотрения содержания их под стражей, Суд не в состоянии признать средства правовой защиты, предложенные Правительством, эффективными.

173. Наконец, ссылаясь на статьи 108 § 11 и 109 § 8 УПК, Правительство заявило, что у заявителя была возможность обжаловать решения о заключении под стражу от 7 августа и 16 сентября 2008 года, но он этого не сделал.

174. Что касается ссылки Правительства на статью 109 УПК, Суд подчеркивает, что это положение не дает права задержанному возбудить производство по рассмотрению вопроса о законности его содержания под стражей в отсутствие ходатайства прокурора о продлении меры пресечения (см. дела *Насруллоев против России*, № 656/06, § 88, 11 октября 2007 года, и *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, § 151). В этой связи Суд не может не заметить, что попытка заявителя добиться пересмотра его содержания под стражей со ссылкой на статью 109 УПК была встречена отказом в рассмотрении этого вопроса Симоновским районным судом, коллегия которого без указания причин не только утверждала, что заявитель не обосновал свою жалобу какими-либо положениями УПК, но также ответила на жалобу заявителя письмом, тем самым лишив его возможности обжаловать этот отказ в рассмотрении жалобы в обычном порядке (см. параграф 64 выше).

175. В отношении статьи 108 § 11 и предполагая, что она обеспечивала заявителю возможность обжаловать первоначальное решение – то есть от 7 августа 2008 – о заключении его под стражу, Правительство не предложило вообще никаких объяснений тому факту, что решение от 16 сентября 2008 года не продлевало срок содержания заявителя под стражей, а санкционировало меру пресечения заново, несмотря на то, что предыдущее решение о заключении под стражу от 7 августа 2008 года не было отменено, а мера пресечения не изменялась. Учитывая, что внутреннее законодательство хранит молчание о возможных путях обжалования второго подряд решения о заключении под стражу, Суд считает, что от заявителя нельзя было требовать обжалования решение от 16 сентября 2008 года (там же).

176. В любом случае, как следует из представлений заявителя в Суд, основная идея его жалобы в соответствии со Статьей 5 § 4 состоит не в моменте его первоначального заключения под стражу, а в невозможности получить судебный пересмотр его содержания под стражей по истечении определенного времени (см. параграф 154 выше, и в сравнении с делом *Исмоилов и другие*, цитированным ранее, § 146). Учитывая, что заявитель провел более двадцати месяцев под стражей, новые вопросы, касающиеся законности его содержания под стражей, могли возникнуть в этот период. В частности, заявитель пытался заявить в суде, что его содержание под стражей перестало быть законным после истечения сроков, установленных статьей 109 УПК. В силу Статьи 5 § 4 он имел право обратиться в «суд», обладающий

юрисдикцией «безотлагательно» рассмотреть, стало ли его лишение свободы «незаконным» в свете новых факторов, которые возникли после первоначального решения о заключении его под стражу (там же). Однако из приведенного выше анализа следует, что заявителю не была предоставлена такая возможность.

177. В данных обстоятельствах Суд не считает, что положения внутреннего права обеспечили право заявителя на разбирательство, в ходе которого законность его содержания под стражей была бы рассмотрена судом.

178. Таким образом, Суд приходит к выводу, что Правительство не продемонстрировало, что наличие упомянутых средств правовой защиты было достаточно определенными как в теории, так и на практике, а следовательно, эти средства не обладают необходимыми доступностью и эффективностью (см. дела *А. и Е. В. Риис против Норвегии*, № 9042/04, § 41, 31 мая 2007 года, и *Вернилло против Франции*, 20 февраля 1991 года, § 27, Серия А № 198). Таким образом, возражения Правительства относительно неисчерпания внутренних средств правовой защиты должны быть отклонены.

179. Отсюда следует, что на протяжении всего срока содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции он не имел в своем распоряжении какой-либо процедуры для судебного рассмотрения правомерности его содержания под стражей.

180. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

(b) Статья 5 § 1 Конвенции

181. В первую очередь, Суд повторяет, что Статья 5 закрепляет фундаментальное право человека, а именно, защиту личности от произвольного вмешательства со стороны государства в его или ее права на свободу (см. дело *Аксой против Турции*, 18 декабря 1996 года, § 76, *Отчеты* 1996-VI). Текст Статьи 5 разъясняет, что гарантии, которые она содержит, распространяются на «всех» (см. дело *А. и другие против Соединенного Королевства* [БП], №. 3455/05, § 162, ECHR 2009-...). Подпункты с (а) по (f) Статьи 5 § 1 содержат исчерпывающий перечень допустимых оснований, по которым лицо может быть лишено свободы, и никакое лишение свободы не будет законным, если оно не подпадает под одно из этих оснований (см. дело *А и другие*, цитированное ранее, § 163).

182. Стороны согласны в том, что заявитель был заключен под стражу в качестве лица, «против которого принимаются меры по его ... выдаче», и что его содержание под стражей попадает под действие Статьи 5 § 1 (f). Это положение не требует, чтобы содержание под стражей лица, против которого принимаются меры с целью его экстрадиции, было обоснованно необходимым, например, чтобы

предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться. В этой связи Статья 5 § 1 (f) обеспечивает степень защиты, отличную от Статьи 5 § 1 (c): все, что требуется в соответствии с подпунктом (f), это чтобы «принимались меры по высылке или выдаче» (см. дело *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, § 135, с дальнейшими ссылками).

183. Хотя стороны и не оспаривали, что содержание заявителя под стражей относится к Статье 5 § 1 (f), их позиции различаются по вопросу о том, было ли оно «законным» по смыслу этого положения.

184. Когда «законность» содержания под стражей под вопросом, в том числе о том, соблюдался ли «порядок, установленный законом», Конвенция обращается в основном к национальному законодательству и устанавливает обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы. Соответствия национальному праву, однако, не достаточно: Статья 5 § 1 требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели защиты личности от произвола (см. дела *Моорен против Германии* [БП], № 11364 / 03, § 72, ECHR 2009-..., и *Эркало против Нидерландов*, 2 сентября 1998, § 52, *Отчеты* 1998-VI).

185. Хотя в первую очередь именно национальные власти, в частности суды должны толковать и применять внутреннее законодательство, в соответствии со Статьей 5 § 1 несоблюдение внутреннего законодательства влечет за собой нарушение Конвенции, и Суд может и должен рассмотреть, были ли эти законы соблюдены (см. дело *Бенхам против Соединенного Королевства*, 10 июня 1996 года, § 41, *Отчеты* 1996-III; дело *Йечюс против Литвы*, № 34578/97, § 68, ECHR 2000 IX и *Ладент против Польши*, № 11036/03, § 47, ECHR 2008 -... (выдержки)).

186. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд в первую очередь принимает во внимание претензии Правительства о том, что заявитель не выполнил требования шести месяцев в отношении его представлений в рамках Статьи 5 § 1. Ссылаясь на свои выводы о том, что у заявителя не было эффективных средств правовой защиты для исчерпания (см., в частности, параграфы 174-177 выше), Суд отмечает, что решения о заключении под стражу от 7 августа и 16 сентября 2008 года были действительно вынесены более шести месяцев до подачи жалобы заявителя в Суд, то есть 15 мая 2009 года. В то же время он отмечает, что суть его представлений в рамках Статьи 5 § 1 не в первоначальных решениях о заключении его под стражу, а в предполагаемой незаконности его последующего длительного содержания под стражей (см. параграф 154 выше). Следовательно, вопросом для Суда является не то, были ли эти изначальные решения о заключении под стражу законными, а было ли содержание заявителя под стражей по состоянию на 13 ноября 2008 года и далее «законным» по смыслу Статьи 5 § 1 Конвенции, то есть, имело ли оно правовую

основу в национальном законодательстве и было ли оно проведено «в соответствии с процедурой, предписанной законом» (см. дела *Моорен*, цитированное ранее, §§ 76 и 82, и *Эминбейли против России*, № 42443/02, §§ 43 и 46, 26 февраля 2009 года).

187. Соответственно, Суд отклоняет возражения Правительства в отношении предполагаемого несоблюдения заявителем требования шести месяцев в отношении его жалобы по Статье 5 § 1.

188. Далее он рассмотрит, были ли соблюдены требования Статьи 5 § 1 в данном деле.

189. Суд отмечает, что жалоба заявителя состоит из трех частей. Он утверждал, в частности, не только, что его содержание под стражей было незаконным в соответствии с внутренним законодательством, но и что качество самого закона не удовлетворяет требованиям Конвенции, чтобы защитить его от произвола. Он также утверждал, что власти не проявили должной осмотрительности при проведении процедуры экстрадиции.

190. Что касается аргументов заявителя относительно «качества закона» в положениях, регулирующих содержание под стражей лиц, ожидающих экстрадиции, Суд не может не заметить, что в ряде постановлений он установил, что эти положения не являются ни четкими, ни предсказуемыми в их применении и не соответствуют стандарту «качества закона», предусмотренному Конвенцией (см., среди других источников, дела *Насруллоев*, цитированное ранее, §§ 76-78, *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, §§ 138-140, *Рябкин*, цитированное ранее, §§ 128-130; *Муминов*, цитированное ранее, §§ 121-123 и *Худякова против России*, № 13476/04, §§ 68-74, 8 января 2009 года).

191. Суд обеспокоен тем, что, как явствует из переписки между Омбудсменом и Генеральной прокуратурой, национальные власти, участвующие в контроле и надзоре за содержанием под стражей в ожидании экстрадиции, и, в частности, национальные суды, по-видимому, остаются в состоянии неопределенности в отношении применения соответствующего законодательства (см. параграфы 68 – 70 выше). Суд также сомневается, что последнее Постановление Пленума Верховного Суда от 29 октября 2009 уточнило ситуацию в отношении лиц, которые находятся в положении заявителя, поскольку в представлении заместителя Генерального прокурора оно касается только лиц, в отношении которых проводится экстрадиционная проверка, что не является случаем заявителя (см. параграф 67 выше). В любом случае, Суд не будет останавливаться на этом вопросе, поскольку он считает, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 по следующим основаниям.

192. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель был задержан 5 августа 2008 года в

соответствии с постановлением о заключении под стражу, вынесенным таджикским судом (см. параграфы 16 и 19 выше). 7 августа 2008 года после запроса таджикских властей о его экстрадиции Нагатинский районный суд города Москвы вынес решение о заключении заявителя под стражу, ссылаясь, среди прочего, на статью 108 УПК и статью 61 Минской конвенции (см. параграф 91 выше).

193. Также отмечается, что 11 сентября 2008 года, т.е. в течение сорокадневного срока, установленного в статье 62 § 2 Минской конвенции, Генеральная прокуратура Таджикистана представила официальный запрос об экстрадиции заявителя. Наконец, 16 сентября 2008 года Симоновский районный суд Москвы еще раз вынес решение о заключении заявителя под стражу в ожидании экстрадиции, ссылаясь на статью 466 § 1 УПК, статью 60 Минской конвенции и тот факт, что таджикские власти за это время направили официальный запрос об экстрадиции. Больше срок содержания заявителя под стражей не продлевался вплоть до его освобождения 23 апреля 2010 года, то есть в течение двадцати месяцев и семнадцати дней после того, как он был помещен под стражу.

194. Соответственно, как Суд изложил в параграфе 186 выше, вопрос, который возникает в данном случае, заключается в том, имело ли содержание заявителя под стражей с 13 ноября 2008 года и далее основу в национальном законодательстве и было ли оно осуществлено «в соответствии с процедурой, предписанной законом». Иными словами, вопрос в том, являлось ли изначальное судебное разрешение его содержания под стражей достаточным, чтобы держать его под стражей в течение любого периода времени – независимо от того, как долго – до принятия решения по запросу об экстрадиции, или содержание под стражей должно было пересматриваться на регулярной основе (см. дело *Насруллоев*, цитированное ранее, § 73).

195. Правительство утверждало, что срок содержания заявителя под стражей регулировался статьей 109 УПК, которая разрешает содержание под стражей до двенадцати месяцев в случаях, касающихся серьезных преступлений. В то же время, чтобы считаться «законным» по смыслу статьи 109 § 2 УПК, заключение под стражу, превышающее два месяца, требует судебной санкции.

196. В этой связи Суд отмечает, что хотя в период с 7 августа по 16 сентября 2008 года заявитель не был освобожден, а мера пресечения в отношении него не изменялась, оба решения о содержании под стражей были названы «решениями о заключении заявителя под стражу». В этом отношении Суд, кроме того, сбив с толку тем фактом, что в то время как оба набора процессуальных действий относились к вопросу о заключении заявителя под стражу в ожидании экстрадиции, первое решение о заключении под стражу ссылалось на статью 108 УПК, регламентирующую содержание под стражей подозреваемых и

обвиняемых в ожидании уголовного преследования в отношении них, а второе – на статью 466 § 1, специально касающуюся лиц, задержанных в ожидании экстрадиции. Даже если предположить, что Нагатинский районный суд применил статью 108 УПК, как было истолковано в определении Конституционного Суда от 4 апреля 2006 года (см. параграф 78 выше), остается не совсем ясным, почему последующее решение о заключении под стражу не содержало ссылки на положения Главы 13 УПК и было основано исключительно на статье 466 § 1.

197. Поэтому неясно, продлило ли решение от 16 сентября 2008 года срок содержания заявителя под стражей, но не упомянуло статью 108 УПК, или, в качестве альтернативы, избрало эту меру пресечения заново после получения официального запроса об экстрадиции, что, по-видимому, в какой-то степени подтверждается мотивировкой суда (см. параграф 57 выше). В отсутствие каких-либо объяснений Правительства по этому вопросу и принимая во внимание их представления о том, что содержание заявителя под стражей было обеспечено статьями 108 и 109 УПК, Суд сомневается, как сроки, упомянутые в статье 108 УПК (см. параграф 74 выше), должны были рассчитываться в случае заявителя – что является важнейшим вопросом для определения того, было ли его содержание под стражей по состоянию на 13 ноября 2008 года совместимо с требованиями Статьи 5.

198. В любом случае, даже если предположить, что решение о заключении под стражу продлило срок содержания заявителя под стражей прежде, чем он превысил два месяца, как того требует статья 109 УПК, – гипотеза, благоприятная для Правительства – не было дальнейшего судебного решения о продлении срока содержания под стражей с тех пор, то есть на следующие девятнадцать месяцев и 6 дней.

199. В отсутствие каких-либо решений национальных судов о продлении срока содержания заявителя под стражей, Суд обязан сделать вывод, что после 4 февраля 2009 года, то есть через шесть месяцев после даты заключения заявителя под стражу, заявитель находился под стражей в нарушение положений статьи 109 § 2 УПК. Соответственно, содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции не может считаться «законным» для целей Статьи 5 § 1 Конвенции.

200. Наконец, Суд хотел бы подчеркнуть, что он в недоумении от утверждения Правительства о том, что местные власти были вынуждены содержать заявителя под стражей, поскольку Суд указал им в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда приостановить его экстрадицию. Он подчеркивает, что он уже устанавливал, что этот аргумент не может быть использован в качестве оправдания

бессрочного содержания под стражей лиц без урегулирования их правового статуса (см. дело *Рябкин*, цитированное ранее, § 132). Он также отмечает, что российский омбудсмен принял ту же позицию, когда обратил внимание Генерального прокурора на несоответствия в правовом обосновании содержания заявителя под стражей (см. параграф 69 выше).

201. Принимая во внимание эти выводы, Суд не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть представлений сторон по Статье 5.

202. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 2 КОНВЕНЦИИ

203. Заявитель жаловался в рамках Статьи 6 § 2 Конвенции, что формулировка решений Генеральной прокуратуры и Московского городского суда о его экстрадиции нарушила его право на презумпцию невиновности. Статья 6 § 2 гласит:

«Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком».

A. Представления сторон

204. Правительство утверждало, что оспариваемые решения четко указывали, что заявителю было предъявлено обвинение в совершении определенных преступлений, и что его выдача запрашивается с целью привлечения его к ответственности по этим обвинениям. Кроме того, власти однозначно заявляли, что вопрос об уголовной ответственности заявителя за преступления, за которые запрашивалась его экстрадиция, должен был быть рассмотрен только судом запрашивающей страны.

205. Заявитель утверждал, что, указывая, что его действия были «наказуемыми в соответствии с российским уголовным законодательством», российские власти объявили его виновным до суда, что было также доказано ответом Генеральной прокуратуры России от 30 декабря 2009 года, указывавшим, что она «удовлетворила запрос своего таджикского контрагента об экстрадиции заявителя с целью привлечения его к ответственности в связи с его участием в запрещенной религиозной организации». По мнению заявителя, формулировка, использованная российскими властями была способна даже повлиять на таджикские суды.

В. Оценка Суда

206. Суд повторяет, что Статья 6 § 2 в ее соответствующем аспекте направлена на предотвращение подрыва справедливости уголовного судопроизводства определяющими вину заявлениями, сделанными в тесной связи с этим производством. Когда такого производства нет или не было в наличии, заявления об уголовно наказуемом либо ином достойном порицания поведении имеют значение, прежде всего, для целей защиты от клеветы и адекватного доступа к правосудию и потенциально могут затрагивать вопросы по Статьям 8 и 6 Конвенции (см. дело *Цолльман против Соединенного Королевства* (реш.), № 62902/00, 20 ноября 2003 года).

207. Закрепленная в пункте 2 Статьи 6 Конвенции презумпция невиновности является одним из элементов справедливого судебного разбирательства, требуемого ее пунктом 1 (см. дело *Аллене де Рибемон против Франции*, 10 февраля 1995 года, § 35, Серия А № 308). Она запрещает преждевременное выражение судом своего мнения о том, является ли лицо, «обвиняемое в совершении уголовного преступления», виновным до того, как это будет доказано в соответствии с законом (см. дело *Минелли против Швейцарии*, 25 марта 1983, § 37, Серия А № 62.), но также распространяется на заявления, сделанные другими должностными лицами, относительно уголовных дел, расследование которых продолжается, которые заставляют публику поверить в виновность подозреваемого и подрывают оценку фактов компетентным судебным органом (см. дела *Аллене де Рибемон*, цитированное ранее, § 41, и *Буткевичюс против Литвы*, № 48297/99, § 49, ECHR 2002-II).

208. Суд уже устанавливал, что Статья 6 § 2 Конвенции применима, когда экстрадиционные процедуры являются прямым следствием и сопутствующим обстоятельством уголовного расследования, возбужденного в отношении лица в принимающем государстве (см. дело *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, § 164), и не видит никаких оснований отходить от этого подхода в данном случае.

209. Кроме того, Суд повторяет, что презумпция невиновности будет нарушена, если судебное решение или заявление государственного должностного лица в отношении лица, обвиняемого в уголовном правонарушении, отражает мнение, что он виновен, прежде чем он был признан виновным в соответствии с законом (см. дело *Гарицки против Польши*, № 14348/02, § 66, 6 февраля 2007 года).

210. Должно быть проведено фундаментальное различие между заявлением о том, что кто-то лишь подозревается в совершении преступления, и прямым заявлением в отсутствие окончательного обвинительного приговора, что лицом совершено соответствующее преступление. Суд постоянно подчеркивает важность того, чтобы

должностные лица выбирали слова в своих заявлениях до того, как лицо будет предано суду и осуждено за совершение определенного уголовного правонарушения (см. дела *Бёмер против Германии*, № 37568/97, §§ 54 и 56, 3 октября 2002 года; *Нештяк против Словакии*, № 65559/01, §§ 88 и 89, 27 февраля 2007 года; и *Хужин и другие против России*, № 13470/02, § 94, 23 октября 2008 года). Нарушает ли заявление государственного должностного лица принцип презумпции невиновности, должно быть определено в контексте конкретных обстоятельств, в которых оспариваемое заявление было сделано (см. дела *Дактарас против Литвы*, № 42095/98, § 43, ECHR 2000-X, и *А.Л. против Германии*, № 72758/01, § 31, 28 апреля 2005 года).

211. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, прежде всего, что заявитель главным образом жаловался на заявления о том, что его «действия являются уголовно наказуемыми» по российскому уголовному законодательству, и, соответственно, сосредоточит свой анализ на этих конкретных заявлениях.

212. Отмечается, что решение об экстрадиции от 30 декабря 2008 года, а также последующие судебные решения указывали, что «действия А. Гафорова являются наказуемыми в соответствии российским уголовным правом и соответствуют статьям 210 ..., 278 ..., 280 ..., 282 § 2 (с) ..., ... 205 § 1» (см. параграфы 24, 37 и 41 выше). В то же время Суд отмечает, что во всех оспариваемых решениях этой фразе предшествовали заявления, четко указывающие, что заявитель был обвинен в этих преступлениях в связи с его предполагаемым участием в «Хизб ут-Тахрир» и побегом из-под стражи, в отношении чего его выдача и запрашивается (там же). Более того, как городской суд, так и Верховный Суд особо подчеркивали, что вопрос о виновности заявителя в отношении преступлений, в которых он был обвинен в Таджикистане, может быть оценен только в судах запрашивающей страны (там же).

213. В целом, хотя формулировку, использованную Генеральной прокуратурой и судами, можно считать довольно неудачной, Суд приходит к убеждению, что эти власти имели в виду не вопрос о том, установлена ли вина заявителя доказательствами – что явно не является вопросом, который должен быть определен при экстрадиции, – а существуют ли правовые основания для экстрадиции заявителя в запрашивающую страну.

214. По мнению Суда, то же самое относится и к фразе в письме Генеральной прокуратуры от 30 декабря 2009 года, на которое ссылается заявитель (см. параграф 205 выше).

215. При таких обстоятельствах, Суд считает, что формулировка решения об экстрадиции, последующих судебных решений и письма от 30 декабря 2009 года не составляет заявления о вине заявителя в

нарушение презумпции невиновности (см. в отличие от дела *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, § 168).

216. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

217. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

218. Заявитель требовал 15 000 евро (EUR) в части компенсации нематериального вреда.

219. Правительство утверждало, что требования заявителя были чрезмерными. В качестве альтернативы они заявляли, что если Суд найдет какие-либо нарушения Конвенции, факта установления нарушения будет достаточно.

220. Суд отмечает, что он установил сочетание нарушений в данном деле, и принимает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушения. Таким образом, Суд считает целесообразным присудить заявителю EUR 15 000 в отношении компенсации морального вреда.

B. Издержки и расходы

221. Заявитель также требовал 90 000 рублей (RUB) (приблизительно EUR 2 225) в отношении его представления г-ном А. Гайтаевым и г-жой Р. Магомедовой в национальных судах, представив, в частности, копии соответствующих соглашений и счетов-фактур, подтверждающих, что сумма, о которой идет речь, была выплачена. Он также требовал, ссылаясь на таблицы учета рабочего времени г-на А. Гайтаева и г-жи Е. Рябиной, EUR 1 800 за представление его интересов перед Судом г-ном А. Гайтаевым, а также EUR 2 800 за представление его интересов г-жой Е. Рябиной, почасовая ставка каждого из юристов установлена в размере EUR 100. Наконец,

заявитель требовал возмещения почтовых и административных расходов в размере EUR 477.

222. Правительство утверждало, что требуемые заявителем издержки и расходы были ненужными и необоснованными, без предоставления какой-либо дополнительной информации.

223. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявителю причитается возмещение издержек и расходов только в том случае, если будет показано, что они были действительно и по необходимости понесены, а также разумны по своим размерам. В настоящем деле, учитывая представленные документы и вышеназванные критерии, Суд присуждает EUR 6 825 в качестве возмещения издержек и расходов.

С. Проценты за просроченный платеж

224. Суд считает уместным, чтобы проценты за просрочку платежа исчислялись из расчета кредитной ставки Европейского Центрального Банка, к которым должны быть добавлены три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решает* присоединить к существу дела возражения Правительства о неисчерпании внутренних средств правовой защиты и несоблюдении требования шести месяцев в отношении жалобы заявителя по Статье 5 Конвенции, и отвергает их;
2. *Объявляет* жалобы в соответствии со Статьями 3, 5 §§ 1 и 4 и Статье 13 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
3. *Постановляет*, что в случае исполнения решения об экстрадиции заявителя в Таджикистан будет нарушена Статья 3 Конвенции;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции;
6. *Постановляет*, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос по Статье 13 Конвенции в отношении предполагаемого нарушения Статьи 3 Конвенции;

7. *Постановляет*

(а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления данного решения в законную силу в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции следующие суммы, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, конвертированные в рубли по ставке, действующей на день оплаты:

(i) EUR 15 000 (пятнадцать тысяч евро) в отношении нематериального вреда и

(ii) EUR 6 825 (шесть тысяч восемьсот двадцать пять) в отношении издержек и расходов;

(b) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до осуществления выплаты должны выплачиваться простые проценты на вышеуказанную сумму по курсу равному минимальной кредитной ставке Европейского Центрального Банка за период задержки выплаты плюс три процентных пункта;

8. *Отклоняет* остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке и доведено до общего сведения 21 октября 2010 года, в соответствии с Правилем 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Андре Вампах
Заместитель Секретаря

Христос Розакис
Президент